

Артём
Алевский

A detailed illustration of a man with extensive tattoos, including a tiger on his back and snakes on his arms, standing on a stone ledge overlooking a lush, green valley. The scene is set during autumn, with red maple leaves falling from a tree on the left and scattered on the ground. In the background, there are rolling green hills, a winding river, and a large, bright sun. A scroll lies on the stone ledge near the man. The overall style is reminiscent of traditional Japanese ink wash painting with a modern, colorful twist.

ТИТУЛ

18+

Артём Алевский

Титул

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алевский А. А.

Титул / А. А. Алевский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Валония – молодая островная империя, ведущая военную политику присоединения новых восточных территорий. Главные герои романа – Алан и Эмма, ведущие жизнь обычных подростков в разных концах страны. Но скоро произойдут события, которые поставят под угрозу существования не только империю, но и весь знакомый им мир. Война, предательство, любовь, дружба и смерть... Вот немногие из тех испытаний, которые придётся пройти каждому из них...

© Алевский А. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

В главном императорском дворце с самого утра происходила чрезвычайная суэта. Бесчисленные слуги всё время сновали из одних покоев в другие. Шум, порождаемый тяжёлыми, торопливыми шагами гвардейцев в полном боевом обмундировании, сопровождался короткими, но весьма эмоциональными приказами капитанов. Где-то в Большом саду рождались несвязные звуки труб и струнных – там шла репетиция императорского оркестра. Если бы Лагот проснулся с похмелья в любое другое утро, он вряд ли бы подумал, что с крепким вином ему давно пора заканчивать. Как правило, каким бы сильным ни было его похмелье, он мог позволить себе валяться до самого обеда, сославшись на болезнь, даже если бы Его Величество очень нуждалось в его обществе. Однако, именно сегодня он этого себе позволить не мог и, приподнявшись с кровати, Лагот кисло улыбнулся своему вчерашнему намерению хорошенько выспаться. Да, он знал, что в последнее время вёл достаточно разгульный образ жизни и оправдывал это тем, что при дворе стало слишком скучно и спокойно. Официально он являлся шутим императора, что давало ему право пользоваться довольно раскованной манерой общения с государем и его вассалами и даже вести тот образ жизни, который ему заблагорассудится, освободившись от формальных правил придворного этикета. Когда несколько лет назад император Арвин предложил ему стать его правой рукой – первым советником, Лагот, недолго думая, отказался от столь высокой чести. Искушение остаться хоть в чём-то на равных со своим другом детства было слишком велико. И поэтому, чтобы у государя не сложилось впечатление, что ему безразлична судьба Валонии и Его Величества, Лагот предложил себя в качестве придворного шута. Возможности его в таком случае были сильно ограничены, ибо первый советник наделялся весьма большими полномочиями и мог параллельно возглавлять как кабинет министров, так и императорскую гвардию – всё зависело от воли государя, но за всё приходится платить, особенно в таком государстве, как Валония. Лагот, как ему казалось, итак отлично справлялся с функциями первого советника без всякой дополнительной нагрузки и поэтому кресло этой должности пустовало уже давно.

Рядом с шутим на широкой дубовой кровати лежала красивая девушка лет двадцати. Её звали Лана, и она считалась одной из лучших в своём деле. Но Лагот любил проводить с ней время не только поэтому. Девушка, как и многие простолюдины, входящие в ближний круг элиты империи, была нема от рождения и, вместе с тем, обладала естественной, изящной красотой, которой так часто одаривает девушек север острова Рикко. Глядя на линию её прекрасного тела, Лагот иногда ловил себя на мысли, что при должном стечении обстоятельств он даже женился бы на ней, но сердце шута давно уже было похищено одной дамой, о которой Лагот очень не любил говорить даже наедине со своим лучшим другом и государем. Он нежно поцеловал Лану, та сквозь сон чуть пошевелила своими тонкими губами, будто умела говорить и снова погрузилась в дрему. Шут поднялся с кровати, опустил плотные занавески вокруг своего ложа, дабы не тревожить сон девушки и направился к окнам для того, чтобы впустить свет в комнату.

День выдался несколько пасмурным. Низкие молочные облака то плотно закрывали солнце, то пропускали редкие лучи. Погода неплохая для главного праздника Валонии, однако, придворный звездочёт Воган наверняка найдёт повод развлечь императора древними байками о дурных знаках и предзнаменованиях. Лагот считал, что этого старика давно пора исключить из высшего императорского совета. Толку от него не было, а сведениями, которые он получал на заседаниях, редко предлагая взамен что-то действительно дельное, он обладал весьма существенными. Традиции, сформированные ещё при императоре Ногао, практически не подвергались реформированию уже несколько столетий. Должность придворного звездочёта ввёл именно он, сделав её наследственной. Однако, уже много поколений эти мудрые учёные, когда-то наблюдающие за положением светил, превратились в шарлатанов при дворе, якобы способ-

ных предсказывать будущее и даже говорить от имени некоторых богов. Почему так произошло, Лагот не понимал. Уже многие годы практика магии была вне закона в связи с печальными событиями прошлого и это, по его мнению, должно было только способствовать развитию естественных наук. Однако, произошел обратный эффект. Магия, попавшая под запрет, только увеличила спрос на всевозможных пророков не только в империи, но даже во дворце. Поэтому, каждое новое поколение придворных звездочётов старалось оправдать своё присутствие на совете не только данью традициям. Лаготу, как реалисту и человеку с трезвой логикой, жутко не нравилось всё то, что не имело под собой каких-либо оснований или доказательств. И чем старше он становился, тем меньше он верил в Богов, судьбу и даже в древних чудовищ, которые появились из ворот Бории, открытых когда-то очень давно некими магами. «Сегодняшний день может принести много сюрпризов, – подумал Лагот. – Интересно, как будет вести себя Воган, если вдруг выяснится, что Айро всё-таки приедет на праздник и все толкования мрачных предзнаменований, которыми сдуру начнёт сыпать старик, окажутся пустыми? Его наверняка хватит удар!» И он улыбнулся.

Шут отошёл от окна и направился в соседние покои, где его ждала тёплая ванна, подогреваемая слугами с самого утра. Он умыл лицо, руки, половой орган и вытерся белым, махровым полотенцем. Для сегодняшнего дня было достаточно. Он взглянул на себя в зеркало и безглаголиво поморщился, положив руки на разросшийся живот. Когда это с ним произошло? Где тот стройный, подтянутый молодой мастер меча, способный противостоять трём-четырёх противникам одновременно? Сколько лет прошло с тех пор, как он получил звание первого меча Валонии? Пятнадцать? Двадцать? Лагот давно перестал считать. Сейчас ему было сорок. Седые волосы, которые ещё совсем недавно одиноко прятались в пучке чёрных, густых волос, теперь стали основой его новой, короткой причёски. На лице, особенно в уголках чёрных, как когда-то волосы, глаз прибавилось морщин. Но крепость рук, широта плечей и подвижность ног, казалось, никуда не ушли. И стоит только снова заняться ежедневными тренировками и этот, к слову не самый большой при дворе живот, быстро сойдёт. А обаяние его правильного, пусть и немного состарившегося лица, снова наполнится здоровой энергией. И он отошел от зеркала, вдохновившись этой мыслью, от которой ему даже немного полегчало, несмотря на то, что уже через мгновение терзаемый похмельем мозг принял это как очередную попытку самообмана.

С утра в день государственного праздника всегда заседал высший императорский совет, который должен был скоординировать финальные действия по приготовлению к празднику и выслушать доклады от самых разных чиновников, шпионов, послов и прочих требующих предстать перед советом. Лагот знал, что опаздывать на совет в такой день не стоит даже ему. Поэтому без долгих церемоний, он начал одеваться без помощи слуг (так выходило быстрее) и вышел в свою трапезную, где отдал распоряжение нести завтрак, который тут же и был подан.

Лагота беспокоило два момента, которые сегодня так или иначе могли повлиять на судьбу всего государства. Во-первых, всех интересовало прибудет ли на праздник дальний родственник императора и правитель острова Мирион князь Айро. Он уже несколько лет не вносил в императорскую казну пожертвований, которые обязался регулярно производить, когда под предлогом строительства нового большого флота для островной Валонии, добился полной налоговой независимости от метрополии. Но согладалаи императора докладывали, что после освобождения от налогов, Айро установил тесные контакты с материком, а именно с Илианской империей, и выбил весьма выгодный экономический союз, который позволял ему единолично контролировать весь сбыт илианских товаров на территории Валонии. Это очень быстро его озолотило, тогда как строительство флота всё время тормозилось и откладывалось. Более того, Айро активно укреплял свою гвардию и ввёл обязательную присягу, ставившую защиту отдельного острова империи – Мирион и его князя первостепенной задачей. С его стороны это всё объяснялось тем, что он опасался слухов о великом нашествии кочевых племён тайтанов,

покоривших почти весь материк. Они уже стояли у ворот Илиана – столицы империи, которая, скорее всего, окажется им не по зубам, но князь рисковать не хотел. Айро, якобы, не очень доверял императору Арвину и был уверен, что в случае вторжения кочевников, которое могло начаться только с самого близкого к матерiku острова, то есть с Мириона, князь останется один, в то время как сам император будет укреплять основной остров Рикко и вряд ли отправит большое войско в помощь родственнику, которому завидовал и недолюбливал. Вместе с тем, среди советников императора ходили слухи, что Айро заключил с Илианской империей не только экономический, но и военный союз, согласно которому он становился правителем всей Валонии в качестве протектората после короткой, но победоносной войны. Ходили слухи, что этот союз, возможно, уже давно бы вступил в силу, если бы не кочевники у ворот Илиана. В любом случае, Айро вёл себя как искушённый политик, который не боялся независимости и брал её столько, сколько ему нужно. Его отсутствие на главном государственном празднике могло бы означать только одно – личное оскорбление императора, преступление, которое по тяжести может равняться только государственной измене. Из этого следовало бы, что Айро не считает свой остров частью Валонии и объявляет императору открытое противостояние. «В этом случае нужно уберечь императора от поспешных решений, – думал Лагот за завтраком. – Однако, вряд ли Айро решит разыграть эту карту именно сейчас. Всё это пока только пища для сплетен вассалов императора».

Второй момент, который должен был повлиять на судьбу империи и который Лагот считал более важным, чем поведение дальнего родственника императора, был приезд посла тайтанов. Он прибыл ещё вчера, разбил свой шатёр посреди Большого сада, так как не пожелал довольствоваться дворцовыми покоями и настоятельно стал требовать встречи с императором. Когда ему объяснили, что встреча может состояться только завтра на собрании высшего совета, он начал кричать, что это неуважение к Тайтанскому каганату и что великий хан Шуан будет очень недоволен. Что-то внутри подсказывало Лаготу, что этот посол прибыл вовсе не для установления дипломатических отношений. Во всяком случае, его необходимо выслушать со всем возможным почтением.

Покончив с ветчиной, но так и не осилив омлет, Лагот залил свой завтрак молодым вином и быстрым шагом отправился через узкий перешеек Большого сада в дом собраний, где проходили заседания высшего императорского совета и кабинета министров. Чтобы добраться от главного дворца до дома собраний нужно было потратить около пяти минут. Дворцовый комплекс, именуемый в народе Закрытым городом был одним из самых грандиозных строений империи и не переставал впечатлять даже людей, много лет в нём обитавших. Его стройка началась при первом императоре Ногао и продолжалась почти четыреста лет. Деревянные здания, облицованные морским камнем и расположенные на пяти островах, разрезанных искусственными каналами, постоянно росли и перестраивались. А высокие, белоснежные стены, возведённые по периметру каналов, изолировали этот комплекс от основной части города, что сделали его настоящей крепостью, способной быть в блокаде несколько лет. Впрочем, Закрытый город и сама столица Тибала со времён основания империи никогда не подвергались осаде.

Лагот уже был на середине моста, ведущего к перешейку сада, когда услышал, как неподалёку у бамбуковой рощи кто-то горячо ругается на разных языках. Шут почти сразу понял, что это были гвардейцы, пытающиеся утихомирить сопровождение посла тайтан, которые, со своей стороны, с очень раздражёнными лицами что-то настойчиво требовали и, казалось, даже угрожали на своем грубом, полном рубленных слогов языке. Чуть подальше за бамбуковой рощей, где начинался яблоневый участок сада, находился шатёр прибывшего посла. И откуда-то отсюда час назад доносились звуки императорского оркестра, когда Лагот подходил к окну в своей спальне. Кажется, шут понял в чём дело. Он подошёл к одному из гвардейцев, которые совершенно машинально организовали периметр вокруг разгорающейся дискуссии и спросил:

– Что здесь происходит?

Гвардеец с весьма выразительным шрамом под глазом коротко поклонился и ответил:

– А разве их разберёшь, ваша светлость? Лепечут что-то на своём дикарском, хотят куда-то идти, а может, кого-то позвать... Но, мне кажется, что им не очень нравится наша национальная музыка.

– Да уж, нашему оркестру, в принципе, смелости не занимать, – шутливо проговорил Лагот и направился к тайтанам, которые с жаром беседовали с тремя гвардейцами. Вид этих дикарей-тайтан Лагота немало забавлял. Мало того, что они ходили в каких-то несуразных, на взгляд рядового валонца, кафтанах, с косым запахом и необъяснимо длинными рукавами, так на их головах ещё красовались остроконечные пёстрые шапки из войлока, которые производили весьма чёткое впечатление безвкусицы. Лагот с чувством лёгкого омерзения, которое он совсем не умел скрывать, особенно в часы утреннего похмелья, достиг разгорячённой группы людей и на илианском сказал:

– Добрый день! Что здесь происходит?

Один из гвардейцев с русыми волосами и в старинных доспехах кшари, тут же повернулся к Лаготу и, так же, по-армейски коротко, поклонившись, сказал:

– Моё почтение, ваша светлость! Тайтаны хотят, чтобы оркестр прекратил репетицию, так как эти звуки их сильно раздражают.

– Я обращался не к тебе, балбес, – резко ответил Лагот и тут же пожалел об этом. Первому советнику, пусть даже он и шут, стоит быть более сдержанным. Вино, выпитое за завтраком, так и не сняло симптомы похмелья. Гвардеец вытянулся и ещё раз поклонился.

– Прошу прощения, ваша милость! – произнёс тот и отстранённо уставился куда-то вдаль. Лагот тяжело вздохнул. Он очень не любил, когда без повода позволял себе оскорблять людей. Особенно, с которыми едва знаком. Оскорбление вещь эмоциональная и для политика может стать вообще губительной. С другой стороны, он всего лишь придворный шут. И молодой человек, видимо, об этом не знал, так как был в гвардии совсем недавно. Лагот рассудил так по старому доспеху молодого человека, который следовало бы скорее хранить как семейную ценность, а не использовать на службе.

– Как тебя зовут? – спросил Лагот гвардейца, но в это же время один из тайтан, уловивший ситуацию, подбежал к Лаготу и на ломаном илианском начал рассказывать какую-то странную историю про великого посла, его чуткий слух и пренебрежение гостями со стороны императора. Шут слегка оторопел от такой бестактности, но быстро взял себя в руки, вспомнив, что перед ним всего лишь дикари. Полностью проигнорировав тайтана, он снова обратился к солдату.

– Ты так и будешь молчать?

Русоволосый гвардеец всё ещё смотрел куда-то в сад.

– Простите...

– Хватит извинений! – торопливо сказал Лагот.

– Меня зовут Ролан, я с острова Адма близ Мириона, – ответил молодой человек наконец оторвав свой взгляд и переведя его на невоспитанного придворного. Шут в его узком подбородке и зелёных глазах разглядел благородные черты. Это был молодой человек лет двадцати пяти в доспехах времён императора Гиора, на которых несмотря на ветхость явно проступал фамильный герб. Лагот его конечно же узнал, но решил не подавать виду.

– И много молодых солдат из Мириона знают илианский?

– Не так много, но... – Ролан хотел было ввязаться в разговор, так как по природе был быстро отходчив от обид, однако, передумал. – Немного, ваша светлость!

– Но таких солдат всё больше... – продолжил за него Лагот.

– Да, на Мирионе с каждым годом всё больше торговцев и ремесленников из Илиана, которые приглашаются князем Айро для строительства флота. Они заводят семьи и часто остаются. Тем самым, люди постепенно перенимают их язык, а они наш.

– Любопытно, – сказал Лагот, вспомнив о невыполненных обязательствах князя. – А что ты здесь делаешь? Почему ты не в гвардии Айро?

– Я отправился служить императору раньше, чем Айро объявил мобилизацию своей гвардии.

– Ты не похож на обычного солдата, – задумчиво сказал Лагот. – Где ты взял эти доспехи и как попал в гвардейцы?

– Я из обедневшего рода Салгми, господин, – с почтительным поклоном сообщил Ролан. – Мой дед утратил наше семейное наследие и наш род потерял честь. Чтобы возродить хотя бы её тень, я пошёл служить императору!

– Салгми были когда-то весьма влиятельной семьёй на Мирионе, – продолжал задумчивой интонацией Лагот. – Что же с вами произошло? Запрет на торговлю с Пирумгией?

– Это долгая история, мой господин, она отнимет у вас много времени, которым я просто не имею право пренебрегать! – взволнованно выпалил гвардеец.

– Позволь мне решать, как мне распорядиться своим временем, хорошо? – мягко спросил Лагот.

Ролан невольно улыбнулся.

– Но, ты действительно прав, у меня мало времени. Надеюсь, ты здесь не для того, чтобы шпионить в пользу Айро? – с усмешкой спросил шут.

Ролан побледнел, и очаровательная улыбка мигом слетела с его лица. В следующее мгновение он вынул короткий меч, который использовался для ритуального самоубийства и положил его на ладони. Затем встал на колени, расстегнул доспехи в районе груди, чтобы дать свободу рукам и полностью открыть горло, куда воины наносили себе удар.

– Если господин сомневается в моей верности императору, то я готов, – с твёрдой уверенностью произнёс Ролан.

Лагот за свою жизнь видел немало подобных театральных сцен. Старые традиции, которыми так любили козырять особенно молодые люди только что закончившие обучение, нередко приводили к трагедии. Но было и немало случаев, которые заканчивались общим смехом и позором на всю жизнь для того, кто «передумал» в последний момент. Сейчас, глядя на молодого человека, Лагот вдруг почувствовал в нём полную решительность и какую-то силу, которая рвалась наружу, дабы очистить позор с имени своего рода. Это было старое, благородное воспитание, формирующее такого человека, который не дрогнет ни перед чем. Все участники недавнего конфликта уже давно перестали спорить и просто наблюдали за происходящим. Шут скривил губы и секунду спустя скомандовал:

– Прекрати это немедленно! Император сейчас нуждается в каждом из нас. А что касается моего поведения, вам следовало бы знать, что я императорский шут и имею право говорить что мне угодно без ущерба чьей-либо чести.

– Так вы господин Лагот? – удивлённо спросил Ролан и на мгновение почувствовал себя глупо из-за того, что мог закончить свою жизнь стоя на коленях перед шутом. Пусть и непростым. – Это большая честь для меня! Наши дома когда-то сражались на одном поле...

– Да, я помню, – тихо сказал Лагот. – Тем не менее, сейчас у нас всех другие заботы! Служите верно императору и я замолвлю за вас словечко... Быть может вы станете одним из лучших воинов кшари, как и полагается вашему происхождению.

– Благодарю вас, ваша светлость!

Ролан поднялся с колена, а Лагот, будто он подходил только за тем, чтобы пообщаться с одним из гвардейцев, отправился дальше. Наблюдавший всю эту картину тайтан крикнул что-то вслед Лаготу, но никто не смог понять что именно. Шут остановился и медленно повернулся.

– Ролан, объясните пожалуйста нашим гостям, как в Валонии принято начинать общение с господином с двумя мечами на шёлковом поясе. И да, скажите им, что музыкальное сопро-

вождение – это обязательный ритуал в честь наших заморских друзей. Без него гостеприимство императора нельзя было бы считать полным.

– Но это не совсем правда, господин Лагот, – смутился Ролан.

– Делайте, как я сказал. Если что, валите всё на меня! – с улыбкой сказал шут.

– Будет исполнено, ваша милость!

2

Лагот недолюбливал высший императорский совет. Заседания эти зачастую имели формальный характер, проходили скучно и кончались, как правило, ничем. В просторной зале дома собраний, сообщающегося переходом с тронным залом, собиралось всего несколько человек. Это были самые важные люди в империи, без которых управление государством было бы невозможным. В частности, это были держатели западных и восточных земель с прилегающими к ним островами, братья господин Ярвин и господин Ридвард из рода Грейгов, потомки того самого Грейга, который был военачальником при первом императоре Ногао. Также господин Юрбин, глава императорской гвардии и общества красного лотоса, которое занималось шпионажем и поиском особо опасных для империи преступников. По совместительству господин Юрбин был секретарём заседаний. Далее господин Удвиг, главный казначей и глава кабинета министров, а также господин Воган, придворный звездочёт императора, чьё присутствие на совете являлось скорее данью традиции императорского дома, чем острой необходимостью, о чём Лагот сегодня уже размышлял. Исполняющим обязанности главного советника на этом собрании был сам Лагот. Когда он вошёл в зал, все уже толпились вокруг императора и приносили свои поздравления в связи с великим праздником. Шут подошёл к вазе с фруктами, взял яблоко и фамильярно уселся напротив императора, поприветствовав его коротким поклоном. Арвин заметил это и дал знак господам, что наконец все в сборе и можно начинать совет. Лагот звонко откусил от яблока и словил на себе пару неодобрительных взглядов со стороны членов совета. Арвин заговорил первым:

– Лагот, неужели так должен начинаться совет в такой важный день? Будь учтивее хотя бы один день в году!

– Учтивость – это привилегия людей, привыкших скрывать свои намерения, – ответил Лагот. – Будь я вашим величеством, я бы наоборот запретил бы всякую учтивость именно в этот день!

Император ухмыльнулся. На его красивом, овальном лице показались белоснежные зубы, зелёные глаза быстро пробежались по собравшимся. Арвину, как и Лаготу, было сорок лет, но выглядел он моложе лет на десять. Чёрные волосы без единого признака седины были аккуратно уложены вдоль лица и слегка завивались. На лице практически не было морщин, разве что у переносицы вырисовывался небольшой крест. Император выглядел как всегда изысканно: светлую рубашку с цветным орнаментом покрывала золочёная туника фиолетового цвета, а ноги были подчёркнуты узкими чулками и бархатными туфлями с серебряными застёжками. Арвин имел склонность уделять своей внешности особое внимание, поэтому во дворце проживали отдельные слуги, занимающиеся внешним видом императора и его гардеробом.

– Вам весьма неплохо даётся роль дурака, – вступил в разговор господин Воган, серебряно-бородый старик в коричневом балахоне и с внушительной серебряной звездой на груди, – однако, мы теряем драгоценное время государя. В такой день это неприемлемо!

– Да, господа, – подхватил Арвин, – чем быстрее мы покончим со всем, тем будет лучше для всех. Для начала меня интересует положение дел на востоке Рикко. Как идёт освоение земель и ассимиляция алайнов, господин Ридвард?

Ридвард Грейг поднялся и поклонился государю. Это был крепкий мужчина уже пожилого возраста с седыми волосами в широком изумрудном плаще, под которым выступал чёрный, подлатный камзол. Серые глаза его прятались под густыми бровями, которые он часто

хмурил из-за неважного зрения. Однако, хватки он не терял, весьма успешно управлял вверенной ему восточной частью страны, где в городах по побережью он рассадил своих детей. Ридвард был хорошим, справедливым держателем, что очень упрощало жизнь императору и его двору.

– Мы продвинулись вглубь острова ещё на несколько десятков километров, – сказал Ридвард. – Местное население варваров встречает нас спокойно, однако, относится к нам с недоверием. Большинство из них считают, что так или иначе станут рабами вашего высочества, как и их сородичи до великого перемирия. Мы стараемся чаще проводить встречи с этими племенами, но нам не всегда хватает людей и нужных слов, чтобы объяснить им, каким образом они станут частью нашей империи. Более того, эти отдельные племена чаще всего находятся в конфликте друг с другом и при первой же возможности пытаются выбить для себя особые условия, распространяя ложные слухи соседям о своём первостепенном значении перед вашим величеством. Работа идёт очень тяжело, но мы стараемся действовать строго по вашему указу «Об освоении и присоединении восточных земель».

Лагот слушал очень внимательно и даже что-то начал пометать пером на листе бумаги. Этот указ «Об освоении...» был полностью его идеей. Несколько лет назад, когда государство начало уставать от очередной войны с алайнами, Лагот предложил идею мирного решения. В частности, с алайнами было заключено перемирие, а в данном указе предполагалось, что вольные племена не будут больше закрепляться в качестве рабов за определённым господином, только их земля, на которой они зачастую оставались в качестве наёмных работников. Также, нельзя было навязывать этим племенам государственную религию. Алайнам предоставлялась свобода выбора – где жить и чем заниматься, однако, они облагались налогами и им запрещалось использовать древнюю практику каннибализма, которая к этому времени итак практически выродилась. Идея о тотальном налогообложении крестьян, ремесленников и рыбаков среди алайнов не имела особой популярности, но это все было лучше бесконечной войны, которая за эти годы столько раз то прекращалась, то разгоралась вновь. После перемирия племенной союз алайнов распался и каждый род вёл свою игру с государством. Кто-то уходил со своих земель дальше на север или переправлялся на самый восточный остров империи Ойдо, где не было больших городов и почти не было военных. Кто-то оставался, приняв новые условия. Были те, кто, оставшись на своих местах, не платил никаких налогов, а некоторые даже добровольно приходили и просили взять их под опеку в качестве рабов к тому или иному господину. Чаще всего выбор падал на сыновей самого Ридварда, которые пользовались у алайнов особым уважением. С указом «Об освоении...» предполагалось, что в течение пяти лет остров Рикко полностью перейдёт под власть императора, но процесс затянулся и государственные экспедиции продвигались на восток всё медленнее, что очень не нравилось императору. Лагот всегда успокаивал своего друга тем, что тот первый из великой династии, кто встал на путь мира и процветания империи, ибо он сохранил не только множество жизней, но и перестал тратить огромные суммы на войну и воспитание непокорного народа.

– Хорошо, – сказал император. – Лагот, пометь пожалуйста в своих записях, что нужно установить приоритет распределения новых земель для тех, кто владеет языком алайнов и ведёт успешные переговоры со старейшинами племён.

– Мудрое решение, ваше величество, – согласился Лагот, который всегда так поступал, когда собирался возразить императору, – но не вызовет ли это недовольство у тех, кто рассчитывал на эти земли ещё со времён войны? Ваши военачальники сидят без работы уже два года и до сих пор политика мирного урегулирования не пользуется у них популярностью. Не стоит ли подойти к этому вопросу более деликатно?

– Лагот прав, – поддержал шута господин Ридвард, – недовольство мирной политикой растёт, военная элита празднично проводит время и только обсуждает, как они завоюют восток острова Рикко, когда перемирие закончится! Ваша армия готова к бою в любой момент, в

полном соответствии с древним кодексом чести служения императору. Такая сила во время перемирия может таить в себе опасность!

– На что вы намекаете? – картинно удивился Арвин.

– Простите, я неправильно выразился, – исправился Ридвард и слегка нахмурился. – Вам как государю, нашему священному символу и благодетелю, ничто не угрожает и угрожать не может! Но вы также знаете, что военное сословие пользуется особыми привилегиями и тесно вплетено в систему императорской власти. Спровоцировать для них новый конфликт, который поставил бы под удар все наши усилия по перемирию, не составит особого труда! Хотя я против такого развития событий...

Император откинулся в кресле и сложил руки у подбородка. Лагот знал, что Арвин терпеть не мог, когда ему напоминали об особом положении военного сословия, установившимся ещё со времён Ногао и Грейга. Тогда, на заре государства это был по сути дуумвират. Ногао после победоносного похода на восток провозгласил себя императором, но контроль над завоеванными земля могла удержать только армия и поэтому фактически новую страну контролировал Грейг. Как это у них получилось и что за договор был между ними, история умалчивала. Тем не менее, никто не пытался убить другого, а чуть позже законодательно было закреплено два основополагающих условия, на которых должна была стоять Валонская империя. Первое касалось императора. Он объявлялся священной, неприкосновенной фигурой, обладающей правом собственности всех имеющихся в государстве, а также возможно в будущем приобретённых земель. Он мог жаловать земли вассалам, отнимать их обратно и даже дарить их в «вечное» семейное пользование. Однако, в полном смысле управлять страной он не мог, так как второе условие уже касалось Грейгов. Они не имели собственности, однако владели исключительным правом на управление страной. Грейги полностью регулировали её жизнь, занимались сбором податей, судами, выпускали местные указы за пределами столицы и решали на что перераспределить собранные деньги. В столицу отправлялась только треть вырученных средств и их использование зависело уже от императора либо императорского совета. Общие для империи законы были сформированы традицией очень давно, но если что-то подвергалось изменению, документ должны были подписать оба представителя правящих семей. В короткие периоды, когда власть переходила от отца к сыну или от брата к брату, контроль над государством возлагался либо на императора, либо на старшего из Грейгов. За все эти годы случалось всякое: императорами становились безумцы, Грейги развязывали войны друг против друга, но Валония всегда выходила из этих трудностей во многом благодаря такой сложной политической системе. И поделаться с этим ничего было нельзя, также как и с придворным звездочётом, которого Арвин недолюбливал. Всё в этом зале на каждом собрании напоминало ему, что он для империи лишь великий и священный символ народа Валонии, а не настоящий самовластный император, каким, например, был илианский Эдмар. И даже созданный кабинет министров при императоре занимался большей частью сбором статистических данных, чем реально вмешивался в дела самостоятельных Грейгов.

– Что же, – отметил Арвин, – тогда тем более необходимо ускорить этот процесс! А что касается военачальников, то после сегодняшнего дня у них вполне может появиться работа на западном фронте. Что слышно об Айро, господин Юрбин?

– От Айро нет никаких вестей уже два месяца, ваше величество, – сказал глава императорской гвардии и общества красного лотоса. – Однако, его корабли замечены неподалёку от порта Кизо. Смею предположить, что ваш родственник всё же прибудет на праздник!

– И славно, его давно уже пора поставить на место! Сколько человек прибудет с ним из его гвардии по вашим подсчётам?

– Около пятидесяти, – неуверенно ответил Юрбин, мужчина шестидесяти лет в синем, рельефном дуплете. Старый служака, как и Лагот, частенько скучал на подобных заседаниях, но сегодня он был явно взволнован.

– Ваше величество! – вмешался Лагот. – Я, как и вы, мечтаю поставить все точки над и с вашим родственником и его непокорным островом. Но хочу вас предостеречь от резких решений. Сейчас война может вспыхнуть из-за любого пустяка и...

– А я подумал, что нам чем-то нужно занять военных, раз вы все так опасаетесь их влияния на востоке, – перебил его император. – Вы предлагаете вот так всё спустить Айро с рук? Вы сейчас говорите, как шут или как советник?

Лагот улыбнулся и глядя на императора тихо сказал:

– Я только предлагаю дождаться самого Айро и выслушать посла тайтанов, прежде чем мы решим, как нам действовать дальше.

– Ах, да, – будто вспомнил Арвин, – ещё этот посол... его обязательно сегодня выслушивать?

– Боюсь, что да, ваше величество, – твёрдо ответил Лагот, – очень нетерпеливый человек, у которого к вам важное дело.

– В любом случае отправьте гонца в Кизо, – не унимался Арвин. – Если Айро сегодня не одарит нас своим обществом, корабли необходимо заблокировать в порту! При попытке покинуть порт, они должны быть уничтожены! У вас все, господин Ридвард?

– Да, ваше величество... – неуверенно сказал держатель, но потом всё же решился добавить. – Разве что ещё на востоке ходят слухи о Варионе, том самом маге, с острова Ойдо, которого одолел император Сури столько лет назад... Алайны верят, что Варион не погиб и что он защитит их с помощью своего морского змея, если они переселятся на Ойдо. Мы пока не можем узнать на чём основаны эти слухи, но среди алайнов растут настроения о побеге с Рикко, что в будущем может поставить нас перед задачей заселения присоединённой территории.

– Вы хотите сказать, что Варион мог воскреснуть спустя пятьсот лет после смерти? Я скорее поверю, что кто-то вновь настолько овладел магией, что опять открыл эти жуткие ворота Бории, через которые к нам в прошлый раз пришла вся эта нечисть в лице монстров, гигантских зверей и бессмертных, чем в то, что Варион спокойно отдыхал на дне моря пять столетий. Что ж, это их право, пусть бегут. Наша задача создать такие условия на этой территории, чтобы в последствии им захотелось вернуться, так мы доберёмся и до Ойдо. А на данном этапе пустые земли даже легче будет присоединить империи. Нам же не стоит очень беспокоиться?

Арвин заискивающе посмотрел на Лагота в поисках поддержки и шут не заставил себя долго ждать.

– Я думаю, что волноваться скорее всего не о чем, – сказал Лагот.

– Разве? – взял слово взволнованный господин Воган, придворный звездочёт. – Ещё моим дедом было сделано предсказание, о котором вы все прекрасно знаете. Вулкан пробудит морского змея и огромные волны смоют с лица земли города Валонии. Мы не знаем, погиб ли Варион на самом деле, тело его так и не нашли! Что если бессмертные дали ему жизнь и теперь он снова пытается открыть ворота Бории? Тогда в опасности не только новые земли, но и вся Валония!

– Господин Воган, – сказал Лагот тоном школьного учителя, – мы очень ценим вашу обеспокоенность за судьбу империи, но вероятность того, что огромные чудовища, способные стирать с лица земли целые города, существуют, сегодня сводится практически к нулю, даже если предположить, что такие особи когда-либо вообще существовали. Мы все прекрасно знаем, что легенда о победе императора Сури над великим магом Варионом была сложена через двести лет после его кончины. Более того, нет ни одного доказательства: останков, записей свидетелей или рисунков, которые проливали бы свет на этот вопрос. Всё что мы имеем – это несколько красивых песен, чьи-то сны, религиозную секту, живущую в горах и утверждающую, что они и есть те самые бессмертные и зверский обряд поедания людей у алайнов, которые хотели тем самым уподобиться монстрам и обрести такую же силу. Всё это не более, чем кра-

сивые сказки, а ваш дедушка, который был большим любителем метафор, возможно имел в виду что-то совсем другое!

– Это неслыханно! – возмутился Воган, вскочив со своего места. – Ваше величество! Отрицать историю, существование портала, монстров, бессмертных и прочих – значит отрицать те многочисленные жертвы, разорения и горе, а главное героев, которые всё это остановили! Это значит подвергать сомнению закон о запрете магии и вообще законы вашего дома! Невероятно! Прошу вас, соберите экспедицию до острова Ойдо, пусть они обследуют местные земли в поисках распространителей этих слухов. Если они не найдут им подтверждения, то даю вам слово, что больше никогда не побеспокою вас этими, так называемыми, сказками и, более того, готов даже покинуть высший совет, если на то будет ваша воля! Но прошу вас, сделайте это! Я помогу этой экспедиции со всеми приготовлениями и даже могу взять на себя некоторые издержки!

Шут всё это время смотрел на императора и заметил, как блеснули глаза Арвина, когда законы Валонии приписали только «его» дому. На Грейгов он даже не стал обращать внимание, те давно воспринимали слова старика как смесь неконтролируемого бреда и дворцового этикета. Однако, на это раз Арвин не позволил себя очаровать.

– Я понял вас, господин Воган, присядьте! – ответил Арвин. – Лагот всего лишь пытается усидеть на двух стульях, стараясь сделать наше собрание не таким скучным, как ему кажется. Не принимайте его слова близко к сердцу. Давайте сделаем так! Вы прекрасно знаете, что я ни при каких обстоятельствах не могу препятствовать придворному звездочёту находиться на собраниях высшего совета, что бы он ни говорил и какие бы решения ни предлагал. Только измена государю может закрыть ему дорогу в дом собраний. Посему, чем бы ни окончилось это наверняка дорогостоящее предприятие, оно никак не будет являться изменой с вашей стороны. То есть, говоря о том, что вы готовы покинуть совет в случае неудачи, вы разыгрываете фальшивую монету, а ваша готовность оплачивать издержки наверняка опирается на вашу способность манипулировать деньгами казны в пользу вашей, так называемой, астрономии. Что предлагаю я? Отправляйтесь во главе этой экспедиции сами и докажите всем нам искренность ваших слов! Половину путешествия оплатит казна, господин Удвиг, главный казначей, сделает необходимые расчёты. Остальную половину оплатите вы из собственного кармана! Однако, я покрою все ваши издержки, если ваши тревоги окажутся правдой. А пока можете собираться, после праздника вас не должно быть в столице!

Воган выслушал эту речь опустив голову, и в её процессе можно было заметить, как медленно бледнеет лицо звездочёта. Такого резкого, мгновенного решения от императора не ожидал даже Лагот, который привык к тому, что Арвин сначала советуется с ним. «Видимо, важность сегодняшнего дня на него так действует», – подумал Лагот. Воган начал шевелить губами, что-то хотел возразить, однако, быстро одумался, поклонился государю и сел на своё место. Повисло молчание.

– Ну, а у вас что, господин Ярвин, – прервал тяжёлую паузу император, – как всегда дела идут отлично?

Ярвин начал подниматься, но жестом императора был избавлен от этой необходимости. Он хоть и был младше своего брата на пять лет, но выглядел гораздо старше его. Длинные седые волосы были плохо причёсаны, лицо испещрено глубокими морщинами, а ноги быстро уставали, от чего он ужасно сутулился. Разум его был ясен, как у брата, но говорил он мало и неохотно. Ярвин носил длинный меч, как и полагается держателю, но уже не мог им так же искусно обращаться, как в молодости. Одевался он просто: обычный чёрный бархатный камзол с рукавами без украшений. И почти всегда при нём был младший сын Ридварда Мартин, который после смерти Ярвина должен был стать новым держателем запада.

– Да, ваше величество, – медленно проговорил Ярвин. – Благодаря вашему родственнику Айро мы активнее сотрудничаем с Илианской империей, несмотря на то, что он, по сути, еди-

нолично контролирует весь поток товаров между нашими державами. Доходы страны растут с доходами господина Айро и в нём на данном этапе необходимо искать союзника, а не врага, особенно пока не станет ясна ситуация с тайтанами. По моему видению, скоро торговля между империями может прекратиться вовсе из-за этого тайтанского нашествия. В последние дни к нашим берегам приплыло множество подданных Илианской империи, которые рассчитывают спрятаться здесь от кочевников. Мы на пороге больших перемен!

Арвин оглядел всех беглым взглядом, пытаясь понять, поддерживают ли остальные члены совета слова Ярвина. Юрбин задумчиво кивнул императору, Воган наблюдал за Удвигом, который уже начал производить расчёты экспедиции, а Лагот пытался поймать баланс огрызка яблока на указательном пальце, будто ставил какой-то важный эксперимент.

– Я не верю, что тайтаны смогут победить великих илианов, – сказал Арвин, когда Лагот, поймав на себе неодобрительный взгляд государя, выбросил огрызок в чашу с объедками. – Даже если они их изрядно потреплют, нам это только на пользу. Мечты Айро об узурпации власти во всей Валонии с помощью илианов отодвинутся на неопределённый срок. Кстати, посол уже здесь?

– Да, ваше величество, – доложил господин Юрбин.

– Кто-то ещё ожидает аудиенции?

– Ирвин Грейг желает представить вам нового кшари Хому, – сказал господин Юрбин, заглядывая в свои записи, – спасшего недавно ему и его брату Роберту жизнь, а также господин Делмар с острова Тароку желает доложить об экспедиции на юг и открытии нескольких небольших островов. Также, есть доклад моего тайного агента с Илиана о положении дел на материке. Духовенство: верховный иерарх желает...

– Достаточно! – сказал Арвин, схватившись обеими руками за голову, давая понять собравшимся, что для праздничного дня дел сегодня слишком много. – Как подготовлены празднества, Лагот?

– Всё в порядке, ваше величество! – ответил шут. – Императорский оркестр не прекращает репетиций!

– Уже неплохо. Давайте для начала выслушаем посла. Ирвина Грейга я увижу сегодня вечером на пиршестве, там он меня и представит кому пожелает. Делмар может войти после посла, уверен, он нас утомлять не будет. Вашего тайного агента перенесём на завтра. Там действительно будет много интересного, поэтому сегодня на это тратить время не будем.

– А верховный иерарх? – спросил Юрбин.

– Выясните, что ему нужно. Только мягко! Если это очередные поздравления, я выйду к нему сам сразу после заседания. Пригласите посла!

Юрбин языком жестов дал распоряжения одному из стражников у дверей. Через две минуты они распахнулись и на пороге появился высокий человек, в богатом расписном халате, увешанном золотыми украшениями с драгоценными камнями. На поясе его висела значительных размеров секира, а на сапогах по бокам крепились знаменитые тайтанские кинжалы. Все рукояти оружия посла были усыпаны янтарём и изумрудами. Его тёмная борода была аккуратно заплетена в три длинные косички, а мускулистые руки со степным загаром обнажены до локтей. Голова была покрыта странным для Валонии головным убором, который оказался обычной тибетейкой, расшитой, однако, золотыми нитками. Лагот заметил, как Арвин слегка нахмурился при виде дипломата, так как тот выглядел богаче и колоритнее императора и больше походил на правителя мощной державы, чем на посла каких-то дикарей. Тайтан ослабленно прошёлся по залу, одарив всех снисходительным взглядом, и без всяких церемоний сел на одно из свободных мест за столом. Арвин и другие участники совета встали, совершили валонский приветственный поклон и сели на свои места. Лагот заметил, как быстро лицо посла приобрело наглое и даже вызывающее выражение, после того, как ему «поклонился» сам

правитель этих земель. Шут прекрасно помнил, что на материке любой вид поклона считался жестом покорности и слабости.

– Мы рады приветствовать, господин посол, – обратился к тайтану Арвин. – Просим нас извинить за небольшую задержку, нечасто нас балуют своим посещением послы других государств.

– Это всё потому, что вы находитесь на отшибе мира, – ответил посол, в голосе которого чувствовались нотки превосходства над всеми окружающими. – Ваша дикость и отсталость поразили меня, как только я высадился ещё на Мирионе. «Что за дыра?» – подумал я тогда! – и посол расхохотался.

Арвин своим видом выражал полную невозмутимость. Лагот знал, что, когда он так выглядел, внутри него закипал вулкан, который мог взорваться в любой момент. «Только не сейчас», – молился Лагот. Нахохотавшись вдоволь, тайтан откинулся на спинку стула. Шут решил взять переговоры на себя и начать их сначала должным образом:

– Перед вами император Арвин, правитель островов Валонии, повелитель валонцев, алайнов и смунилов. Прямой потомок императора Ногао, великого объединителя. Император готов вас выслушать.

Посол положил руки на стол, подвинулся вперёд и внимательно посмотрел на императора:

– Я не отниму у вас много времени. Меня зовут Мин, я представляю интересы великого хана Шуана. Хан соблаговолил одарить вас своею милостью и предлагает без долгих размышлений стать частью великого Тайтанского каганата. Ваш титул будет упразднён и вы будете именоваться наместником великого хана. Если всё пойдёт как задумано, эту должность делают наследственной. Сборы налогов и податей переходят полностью в наше ведение. Вашим содержанием тоже займутся наши чиновники, все личные гвардии ваших подданных в провинциях Валонии должны быть расформированы. Вам и вашим рабам гарантируется жизнь. В противном случае илианами будет снаряжён специальный флот, что переправит по морю нашу армию и подчинит вас силой. Все непокорные будут убиты. Великий хан Шуан будет ждать ответ в течение недели.

Пока говорил посол, члены совета тихо переглядывались, впад в некое оцепенение. Даже Лагот, который предполагал разные варианты этой встречи, до конца надеялся, что первый визит посла не будет таким ультимативным. Теперь их всех ждёт неминуемая война! Можно попробовать выиграть время, но корабли рано или поздно приплывут. Все во дворце ждали вторжения илианов, которые, пусть и условно, но так или иначе являлись близкими соседями и даже дальними родственниками валонцев. Но допустить, что это будет чужой народ из самого сердца материка ещё месяц назад было невозможно. Вести войну с теми, кого знаешь только по слухам – одна из самых сложных задач для любого государства. Когда посол закончил и сел на место, встал император Арвин.

– Благодарим вас за визит, но недели не потребуется, – сказал император. – На земле нет, не было и никогда не будет силы, способной подчинить себе валонские острова и поставить под сомнение власть домов Ногао и Грейгов на их территории. Любое количество кораблей и людей, плывущих на эти острова с войной, будет уничтожено! Валонцы живут войной уже тысячу лет, и наша культура готовит народ сложить свои жизни ради империи уже с рождения! Даже у крестьян и ремесленников в их жилищах вы найдете старые, фамильные мечи. Степных пастухов на лошадях и их наёмников из соседних племён или государств мы не боимся! Ваша дипломатическая миссия должна была бы убраться из столицы в течение часа, но так как сегодня великий праздник, я не могу отказать в гостеприимстве даже варварам! Потому, я официально приглашаю вас на сегодняшние мероприятия. Но завтра в столице вас быть уже не должно!

И Арвин опустил на свой стул, давая понять, что аудиенция окончена.

– Подумайте, ваше величество, – сказал вдруг принявший серьёзный вид посол и поднялся из-за стола, – у вас остаётся неделя до того, как хан прикажет снаряжать флот. Я слышал, что вы зовёте себя императором, а ваши несколько уродливых островов империей, но скажите мне, что это у вас за военная политика, которая уже много лет не может справиться всего с одним народом? Вы действительно думаете, что сможете нам противостоять? Сегодня с утра я получил известия, что Илиан, столица империи в разы больше и опытнее вашей, пала после недельной осады. Великий каганат подчинил уже почти весь мир! Ваша очередь тоже придёт, это вопрос времени!

Арвин невозмутимо молчал и старался даже не смотреть в сторону посла. Мин, не дождавшись ответа, повернулся и направиться к выходу:

– Спасибо за приглашение, – сказал он, шагая к дверям и даже не повернувшись. – Слышал, у вас ко всему прочему сегодня проходят соревнования по стрельбе из лука? Интересно будет посмотреть на ваших шутов!

И, издав сдавленный смешок, посол Мин покинул совет. Когда тяжёлые шаги посла растворились за дверьми, Арвин обратился к господину Юрбину:

– Что это значит? Он ведь не блефует?

– Не похоже, – задумчиво ответил тот.

– Почему он знает о взятии Илиана, а мы нет? – раздражённо спросил император. – Недельная осада! Почему я слышу об этом впервые из уст какого-то дикаря?

– Простите, государь, – залепетал Юрбин, – я знал об осаде, но рассчитывал, что тайтаны отступят или же будут брать город месяцами. Не хотел тревожить его величество перед таким важным днём для него! Это моя вина!

– О, Боги! – воскликнул Арвин, вскочив с места. – Теперь все донесения и известия докладывать немедленно Лаготу, не дожидаясь моего хорошего настроения или чего-то подобного! Если Лагот не будет знать того же, что и вы, вас ждут обвинения в измене! Это касается всех, ясно?

Все присутствующие кивнули императору в знак согласия.

– Отправьте немедленно голубей в Илиан, – продолжал Арвин, – я хочу знать всё, что там происходит. Господин Юрбин, ведите к нам вашего шпиона сейчас. Пока он идёт, можно выслушать господина Делмара.

– Правильно, – поддержал Лагот с нескрываемой улыбкой, – заодно обсудим возможность вашей эвакуации на эти новые острова!

– Осторожнее, мой друг, – злобно ответил Арвин, – наступают времена, когда в шутке может оказаться не только доля шутки!

3

В Согао люди всю готовились к великому празднику: украшали улицы бумажными, пёстрыми фонарями, развешивали гирлянды, готовили угощения и мастерили небольшую сцену для выступления циркачей, бродячих менестрелей, а также господ, которые собирались обратиться к людям с поздравительной речью или пожеланиями. В день провозглашения империи, именно так назывался этот праздник официально, был всеобщий выходной. Первую половину дня весь город выходил на уборку улиц и занимался приготовлениями, а вторую весело его отмечал. Заканчивался праздник поздним вечером после большого фейерверка.

Алан и Тарвик покинули стены дворца ещё утром. Они знали, что их отцы будут слишком заняты приготовлениями и не заметят их отсутствия, по крайней мере, до обеда. Вырядившись в обычных мальчишек с рыночной площади, они спустились со стены с южной стороны дворца, где ров с водой был не такой широкий, а берега не такими крутыми и направились в город, в самую гущу событий.

Друзьям очень редко разрешалось покидать стены дворца. В основном это происходило в составе официальных делегаций или во время путешествий в столицу. Всё остальное время мальчики должны были изучать старинные трактаты и технику боевых искусств. К пятнадцати годам они должны были овладеть всеми видами оружия, изучить историю своей страны, а также труды великих философов, повествующих о внутренней гармонии воина кшари и его этическом долге.

Возможность покинуть город, таким образом, предоставлялась довольно редко, но, когда это происходило, мальчишки никогда её не упускали. Полковник Дорин, отец Тарвика, начальник гвардии Акиры Грейга знал о том, что его сын вместе со своим другом Аланом, сыном самого Акиры, позволяют себе вольности в свободное от образования время, но так как сам Дорин часть детства провёл на улице, временами сбегая из дома, считал полезным для детей мало знакомых с жизнью такие прогулки. Вслед за детьми Дорин всегда отправлял Суно, воина-пантеру, который передвигался незаметнее всех в городе и появлялся на улицах Согао так же быстро, как и исчезал с них.

В то утро друзья решили сразу же пойти на рыночную площадь. Там можно было и покататься на пока ещё пустой карусели, и купить печенье бабушки Иды, что торговала на углу площади прямо из окна своего дома. Потом ребята планировали пойти на утёс, с которого местные мальчишки прыгали в море.

Праздничный день в Согао, в отличие от столицы, выдался ясным. Друзья шли по улице непринуждённо болтая, специально вставляя в свою речь «низкие» слова для того, чтобы их роль простолюдинов была более правдоподобна. Это их невероятно забавляло. Они представляли себя воинами-лазутчиками, которые по приказу императора должны были проникнуть в город и найти заговорщиков, готовящих бунт против государя. Такие игры, как правило, придумывал Тарвик. Он мог выдумать целую историю, по которой друзья должны были играть, а Алан снабжал её неожиданными импровизациями, которые иногда ломали всю стройную картину его друга. Тарвика это злило, но он быстро отходил.

Направляясь к центру праздничных событий, они шли по кромке городского яблоневого сада, что находился на попечении у самого императора. Это был своеобразный подарок городу. Жители Согао сами ухаживали за ним, составляя график работ на каждый дом и, соответственно, могли собирать урожай в специальные корзины, которые выдавались местными властями, дабы пресечь неконтролируемый сбор. Слева от юношей шли небольшие усадьбы и дома бедняков. Чем ближе они подходили к центру города, тем богаче и больше становились дома. Тарвик вспомнил историю императора Гиора и его сына Антона, который поднял против отца восстание. Ещё до рождения сына, Гиор получил предсказание от придворного звездочёта, что родившийся сын поднимет против своего отца армию и сместит его с престола. Когда сын родился, Гиор приказал своему первому советнику Рилдону избавиться от мальчика, однако, тот пожалел младенца и отдал его своей сестре, что занималась воспитанием сирот. Выдав одного из недавно умерших сирот за сына императора, Рилдон сохранил мальчику жизнь. Много лет спустя, когда Гиор начал преследовать своих вассалов, подозревая их в измене, и целыми деревнями вырезать их людей, Рилдон открыл уже возмужавшему юноше правду о его рождении и предложил возглавить переворот, так как других, оставшихся в живых сыновей, у императора не было. По его словам, Грейги, держатели запада и востока, если не поддержат молодого законного наследника, то по крайней мере не будут ему мешать. Однако, Рилдон ошибся. Держатель востока поддержал наследника, а держатель запада остался верен сумасшедшему императору. Началась гражданская война.

– Давай представим, что мы шпионы императора, пришли в Согао, чтобы заручиться поддержкой местной знати, – предложил Тарвик. – Уверен, город за эти двести лет почти не изменился.

– Ты предлагаешь играть на стороне императора? – спросил Алан. – На стороне безумца, который в каждом подозревал врага, а простых валонцев даже не считал за людей?

Тарвик улыбнулся и прищурил глаза, в которые светило солнце когда он поворачивал голову к другу, непринуждённо улыбнулся и ответил:

– А почему нет? Законный глава государства, которому присягает каждый кшари!

Тарвик был старше Алана на несколько месяцев и немного выше своего друга. Это был здоровый, подготовленный юноша, которому уже через несколько дней предстояло произнести клятву и стать одним из воинов кшари. Его белокурые волосы, голубые глаза и ещё не тронутое растительностью лицо делали его младше наступающих пятнадцати лет, но он вполне мог постоять за себя даже перед опытным воином. Алан же, как и почти все Грейги, был темноволос, имел самые обычные серые глаза, острые скулы, по которым раз в неделю уже проходила бритва и строгое выражение лица, которое казалось приятным только когда оно таяло и расплывалось в улыбке. Крепость ю тела Таврика Алан не обладал, но за счёт ловкости и терпения ничем не уступал другу в тренировочных боях. Они дружили с самого раннего детства и помнили друг друга столько же, сколько и себя.

– Да, – сказал Алан, – но, если бы Антон не согласился возглавить армию против своего отца, кто знает, родились ли бы мы с тобой на свет? Что стало бы с самой Валонией? Может быть её уже не было бы.

– Это не оправдывает его, – ответил Тарвик. – Вот ты смог бы пойти против своего отца, если бы он сошёл с ума и решил обезглавить даже меня и всю мою семью?

Алан не хотел отвечать на этот вопрос. И не потому, что он не знал, что ответить. Внутренне для себя он уже решил, что, если бы стоял выбор перед долгом или жизнью невинных людей, он скорее бы выбрал второе. Он восхищался историями из прошлого и, в том числе, императором Антоном, правление которого стало одним из лучших правлений императоров за несколько столетий. Благополучие народа Валонии – одна из самых приоритетных задач держателя, которым Алан мог стать после смерти своего отца. Эту мысль ему вложил великий учитель Арон, что занимался воспитанием ещё его отца, Акиры. Но у Тарвика были другие учителя и в его голову вкладывали совсем иное. Алан знал об этом и почти никогда не говорил с ним на эти темы. Арон советовал избегать таких разговоров с теми, кто в будущем мог стать его вассалом или слугой.

– Мне сложно представить себя в такой ситуации, – сказал Алан. – А ты бы предпочёл, чтобы я наблюдал как тебе рубят голову?

– Я предпочёл бы, чтобы ты дал мне возможность уйти из жизни с честью, – ответил Тарвик, имея в виду ритуальное самоубийство кшарин. Алан с грустью посмотрел на друга и по его твёрдому голосу понял, что тот не шутит.

– Может, тогда поиграем в это? – спросил Алан и улыбнулся. Тарвик подозрительно ухмыльнулся и взгляд его упал на проходящую неподалёку рыжеволосую девушку с корзиной для яблок в руках. Это была стройная, по-простому одетая крестьянка в деревянных сандалиях. Её роскошные, яркие волосы были убраны под цветной платок, а мягкий профиль даже отсюда говорил о красоте лица. Она пересекла дорогу в нескольких шагах от них, бросила в их сторону короткий равнодушный взгляд и отправилась в сад. Алан тоже не отводил от неё взгляда и в его голову пришла несвойственная ему мысль.

– Пойдём в сад, – предложил Алан, – мы ещё успеем дойти до площади! Здесь наверняка много девчонок, которых матери отправляют собирать яблоки!

– Девчонок? – удивился Тарвик. – Ты перелагаешь пойти с ними? Да и какие сейчас яблоки, до них ещё целый месяц!

– Это зависит от сорта, некоторые уже созрели! – сказал Алан. – Пойдём же, а то так и умрёшь девственником!

– Ха, можно подумать, что ты не умрёшь! – рассмеялся Тарвик. – Ты с моей сестрой целый месяц боялся заговорить после того, как случайно дотронулся до её щиколотки. «Тарвик, а вдруг она тоже не может этого забыть, что мне делать?»

– Замолчи, – повелительно произнёс Алан. – Ты же знаешь, я был в неё влюблён!

– Да, как и в Генриетту, дочь конюха, – весело продолжал Тарвик, – и Лиду, дочь воина кшари Сирвина.

Алан улыбнулся. Он действительно был очень влюбчивым, но при этом всегда робел заводить с девочками разговоры, в отличие от Тарвика, который общался с ними на таком же языке, как и с мальчишками, но при этом никогда не выказывал к ним большего интереса, чем следовало положению человека, готовящегося стать воином. В глазах девочек Тарвик всегда был забавным и милым мальчиком, а Алан казался им странным, робким аристократом, заикленном на самом себе. Алан это знал, но с собой поделаться ничего не мог. Словно какая-то непреодолимая стена возникала между ним и всем остальным миром, когда он пытался заговорить с понравившейся ему девушкой. Поэтому, он старался не упускать возможности сойтись с ними, когда рядом находился Тарвик. Глядя как он легко с ними общается у него как будто самого появлялась уверенность и лёгкость.

– Ты видел эту красавицу? – спросил Алан. – Она обычная крестьянка, а у меня трясутся руки. Давай, подойдём к ней!

– Она же выше тебя почти в два раза! – решил пошутить Тарвик. – Тебе нравится, чтоб девушка смотрела на тебя сверху? Ты, может, вообще любишь, чтобы они были «сверху»?

Алан молчал и лишь развёл руками.

– Самое главное, я вообще не понимаю, зачем тебе это нужно. Мы можем позволить себе любую шлюху в этом городе, а через пару лет твой отец приведёт в дом красавицу в сто раз лучше этой! Она будет пахнуть розами, а её руки будут нежными, как спелая малина. Ты овладеешь ею и станешь наконец мужчиной! Зачем тебе эта крестьянка? Хочешь её содержать до конца жизни и изменять законной жене?

– Дурак! – разозлился Алан и свернул в сад. Тарвик действительно его не понимал. Алан знал, что через два года отец действительно приведёт в их дом его жену. Что если из-за своей робости он не сможет заговорить даже с ней, сделает что-то не так? Какой это будет позор для всей семьи! Это будет не какая-то проститутка с площади, готовая раздвинуть ноги при виде монеты с изображением императора, а совсем другое существо, которое станет ему женой до конца дней. Самым близким человеком! Алан иногда не мог спать ночами, думая о том, что родился каким-то не таким, как его сверстники, хотя комплексов, связанных с внешностью или физической формой, у него никогда не было. Когда-то в детстве отец сказал ему, что девушки сами будут вешаться на такого красавца и ему равным счётом ничего не надо будет делать. Однако, годы шли, а на него так никто и не вешался. Более того, держали себя на расстоянии от столь важной особы, боясь ей как-то не угодить. Однажды он поделился своими переживаниями с тётушкой Агни, сестрой его погибшей матери, и она посоветовала ему не думать об этом, как о чем-то неестественном. «В любви, как и в жизни, у каждого свой путь, – сказала она, – это всё ложь, когда тебе говорят, что любовь должна быть такой, или такой. Каждый человек чувствует и переживает её по-разному. Иди за своим сердцем. А что касается робости, то от неё можно легко избавиться путём тренировок в общении. Пытайся больше времени проводить с девушками, когда у тебя есть время, и всё встанет на свои места!»

Тарвик постоял несколько мгновений один на пустой дороге, а потом последовал за другом. В саду никого не было видно. Шагов через сорок, Тарвик заметил рыжеволосую девушку, собирающую яблоки шагах в семидесяти, а ещё шагов через десять услышал секретный совиный звук, который они с Аланом придумали для своих игр. Тарвик пошёл в сторону звука и через несколько шагов обнаружил овраг, в котором сидел Алан.

– Она чуть тебя не увидела! – раздосадовано сказал Алан.

– Я думал, ты хочешь к ней подойти, – ответил Тарвик. – Или ты придумал игру?

– Нет... Садись сюда.

Тарвик прыгнул в овраг и прислонился к его склону.

– Ты понимаешь, что сейчас мы ведём себя как...

– Эй, красотка, куда направляешься? – раздался грубый, мужской голос в саду, как раз в той стороне, где девушка собирала яблоки. Друзья вынырнули из оврага и увидели, как девушка поставила корзину на землю и стала тревожно оглядываться по сторонам. С юго-западной стороны сада к ней навстречу шла компания из пяти человек. Это были молодые люди лет восемнадцати и, судя по одежде, походили на рыбаков из одной из близлежащих прибрежных деревушек. По всей видимости, они шли в город на праздник. Самый крупный из них – рослый, широкоплечий парень, с каштановыми волосами и грязной рубахе, шёл в центре компании. Справа его сопровождал высокий, жилистый мальчуган с длинными, сальными волосами. Остальные трое плелись позади и были ростом поменьше, но их тела также выдавали тяжёлый, ежедневный труд, которым они занимались. Были одеты они совсем не празднично, хотя в городе все прекрасно знали, что у рыбаков, явшающихся с контрабандистами и пиратами, проблем с тканями и другими товарами никогда не было. Девушка ещё раз осмотрелась и убедилась в том, что позади, кроме неё и этих пятерых, никого не было. Можно было убежать прямо сейчас и тогда она бы успела добежать до городской улицы, но ей, видимо, не хотелось бросать корзину с яблоками. Пятёрка подступила вплотную и окружила девушку.

– Я спросил, куда направляешься? – сказал широкоплечий, хотя девушка всё это время была на одном месте. По голосу друзья поняли, что это он кричал ей полминуты назад. Лёжа в овраге на животах, они молча наблюдали за сценой, стараясь не двигаться и не производить лишних звуков.

– Может, тебе помочь? – сказал жилистый и, схватив корзину с яблоками, рассыпал её содержимое по земле. – Ой, прости.

– Было бы лучше, если бы вы перестали мне помогать и шли куда собирались, – строго ответила девушка и принялась собирать яблоки.

– Мы действительно хотим помочь, – сказал широкоплечий. – Зачем ты собираешь эти яблоки, ведь их не хватит даже для того, чтобы прокормить двоих в течение недели? То, что я предлагаю, намного лучше, мы тебе заплатим. Рано или поздно ты всё равно поймёшь, что это был лучший путь...

– Какая наглость! – вспыхнула девушка. – Убирайтесь отсюда, пока вас не нашли патрули кшари!

Она подняла корзину с собранными яблоками и направилась вон из круга, но один из рыбаков её остановил.

– Придётся вмешаться, – тихо сказал Алан.

– Мы не имеем права, – возразил Тарвик, – если кто-то поймёт, кто мы на самом деле, нам обоим не поздоровится.

– Если кто-то поймёт? – будто не расслышав удивлённо спросил Алан. – Хорошо, а как же принцип того, что воин кшари обязан защищать невинных и пресекать любое нарушение закона?

– Но мы ещё не воины кшари! Мы не на службе! Тем более, может, они просто так играют?

В это время девушка вскрикнула. Друзья повернули головы и увидели, как она попыталась вырваться из круга, но её грубо оттолкнули. Рыбаки весело рассмеялись, эта ситуация их неплохо забавляла.

– Хочешь мы тебя по-настоящему накормим? – спросил широкоплечий. – Бесплатно! Тебе нужно будет только держать открытым рот и периодически слатывать.

– Твари! – выругался Тарвик. – Ты прав, это просто так не закончится, пошли!

Тарвик поднялся на ноги и отправился к компании. Алан последовал за ним.

– Эй, вы! – крикнул Тарвик. – Что у вас тут происходит?

Широкоплечий обернулся. По его расплывшейся улыбке стало ясно, что он не увидел в них никакой угрозы. Девушка зажала корзину в руках и уселась на землю.

– Что, ребят, тоже хотите поучаствовать? – спросил жилистый. – У вас члены то выросли?

– Мы будущие воины кшари! – провозгласил Алан. – Настоятельно советуем вам оставить девушку в покое и идти куда шли.

Несколько секунд пятёрка переглядывалась, но потом безудержно расхохоталась. Алан заметил, как Тарвик покраснел от ярости.

– Воины кшари! – провозгласил широкоплечий сквозь смех. – Я не могу! На каком из рисовых полей вы набрались этой глупости? Проваливайте сами отсюда пока целы! Два раза повторять не буду!

– Придётся тогда повторить! – выпалил Тарвик и Алан заметил, как тот встал в третью позицию наглого кота, своего любимого боевого стиля. Четверо, включая широкоплечего, не придали стойке Тарвика никакого значения, кривляясь и пародируя перед ним боевые стили и лишь жилистый, видимо знающий, о чем говорит тело будущего воина, сделал пять шагов назад, как будто приготовившись бежать. Алан решил обойти компанию, чтобы как раз встать у парня на пути, когда тот начнёт убегать. Девушка, про которую на мгновение все забыли, напряжённо оглядывалась и ждала подходящий момент, чтобы пуститься со всех ног прочь из сада.

Широкоплечий подошёл к Тарвику вплотную, набрал побольше слюны и медленно сплюнул ему на лоб. Тарвик остался непоколебим, он ждал первого удара.

– А из тебя действительно мог бы получиться воин, – сказал он, наблюдая за безразличием Тарвика, – жаль, что этого уже никогда не случится!

В следующее мгновение широкоплечий вынул откуда-то из-за спины здоровенный рыбацкий нож и поднёс его к горлу Тарвика.

– Последнее слово? – нагло спросил он.

Тарвик больше не мог ждать. Выкинув левую ногу вперёд, он откинул голову назад от ножа и завершая это сальто назад, ударил правой ногой по руке рыбака. Рука врага полетела вверх, но нож не выронила. Тогда Тарвик одним молниеносным шагом вернулся к нему, зашёл за спину и, поймав руку с ножом, резко положил её на своё плечо. Раздался хруст сломанной кости и дикий визг здоровяка. Жилистый, замышляющий побег, резко сорвался с места, но в эту секунду ему навстречу вылетела рука Алана, которая сузила горизонт беглецу и впечаталась ему прямо в нос, что глухо и противно хрустнуло. Трое остались стоять в растерянности. Девушка с корзиной под мышкой сорвалась с места и побежала в сторону города. Алан и Тарвик начали наступать на оставшихся, но непонятно откуда возник Суно и дал всем участникам понять, что драка окончена. Трое пустились в бег, широкоплечий сидел на траве и корчился от боли, жилистый лежал без сознания.

– Что здесь происходит? – недовольно спросил Суно. Он сдвинул свой капюшон назад, открыв полностью лицо, и подтвердил тем самым догадку друзей, которые узнали его по плавным движениям и старым перчаткам. За затылком воина-пантеры виднелась рукоять меча, а синяя куртка плотно прилегала к телу, что говорило о том, что Суно прихватил даже металлические звёзды.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Тарвик. Меньше всего, кого он ожидал здесь увидеть, так это Суно. Теперь ребята точно поняли, как сильно им влетит.

– Ты следил за нами? – спросил Алан. – Тебя послал отец?

– Нет, – ответил Суно, – я здесь по поручению господина Дорина. Он всегда отправляет меня за вами, когда вы покидаете стены замка.

– То есть он всё знал? – удивился Тарвик. – Всё это время?

– Начальник гвардии Акиры должен знать всё, что происходит в крепости, разве не так? – ответил Суно.

– А господин Акира знает? – спросил Алан.

– Не знаю, думаю, нет, – сказал Суно. – Но после сегодняшнего, полагаю, узнает.

– Пожалуйста, помогите мне! – раздался голос широкоплечего, который пытался как-то собрать свою руку. – Кто вы такие?

Суно вынул меч и подошёл к нему.

– За нападение на члена семьи Грейгов Алана, внука хранителя востока, и его воина Тарвика, сына Дорина, верного слуги Акиры, ты приговариваешься к смерти!

– Нет! – воскликнул Алан. – Прошу тебя Суно, отпусти его. Или пусть его судьбу решит твой господин и мой отец, но не сейчас!

– Ваш отец может не понять моего поведения, когда узнает, что я не казнил это отродье!

– Скажи ему, что я тебе приказал! – продолжал Алан.

– Прошу меня извинить, – сказал Суно, – но вы не можете мне приказывать, так как ещё не являетесь моим господином.

Суно повернулся к широкоплечему. Тот жалобно смотрел на Суно и нервно поглаживал свою сломанную руку.

– Такая лёгкая смерть для простого рыбака! Это честь для тебя!

Тот зажмурил глаза и жалобно застонал:

– Прошу вас, не надо...

Суно замахнулся.

4

Эмма любила стоять около окна и с высоты крепостного вала наблюдать за городской бухтой. Это был действительно завораживающий вид, особенно в свете заходящего солнца. Оно аккуратно сползало за морской горизонт, создавая слепящие блики на рябой поверхности моря, а вулкан Ханго, отбрасывая свою могучую тень на город, становился похожим на угрюмого великана, который оживал на ночь для того, чтобы защитить бухту от незваных гостей. Мачты лодок, немного покачиваясь, создавали впечатление бамбукового леса, но без листвы, будто верхушки скосили одной гигантской косой. На причале суетились рыбаки, торговцы, моряки и прочие странники, но сегодня их было намного меньше, чем обычно. Все они были похожи на муравьёв, которые вышли на охоту к воде и с наступлением темноты должны были добраться домой в Ханго, который своей конусовидной формой был также похож на муравейник. Эмма любила придумывать различные истории про свой город, дополняя их всевозможными мифологическими существами, которые либо жили в мире с людьми и помогали им, либо наоборот, воевали с ними. Она мечтала, что когда-нибудь встретится с ними и уж если не здесь, то в какой-нибудь другой, загадочной стране, куда она сбежит, пока её отца, – князя Айро, не будет дома. Отец начал готовить её к мысли о выгодном замужестве, но в свои тринадцать она и слушать о нём не хотела. Эмма воспитывалась без матери с помощью всевозможных гувернанток, и они не смогли привить ей должного уважения к институту брака и к строгим правилам почитания своего мужа. Вернее сказать, Эмма не видела в этих правилах ничего предосудительного, скорее даже наоборот. Просто она говорила, что такая жизнь не для неё. И уж какова бы ни была воля отца, она никогда не выйдет замуж за того, кого она не будет знать, или того, кто ей не угодит.

Стоя у окна, Эмма вдыхала прохладный, осенний воздух. Вот почти и закончился этот день. Завтра ей снова предстояло заняться искусством танца и изучением иностранных языков. Послезавтра её ждал экзамен по чайной церемонии и уроки по мирионскому шитью. Затем шёл день по физическому укреплению тела. В её плотном графике, составленном её отцом, почти не было место для праздного проведения времени, как это иногда бывает с дочерьми

благородных людей. У Айро не было сыновей, потому на Эмму возлагались большие надежды по сохранению традиций рода. Управление же островом должно было перейти младшему брату Айро Сибу, который часто замещал брата, когда тот отправлялся по делам вглубь острова или за его пределы.

Эмма отошла от окна и направилась к столу, чтобы продолжить рассказ, который она писала уже четыре дня. Его герои сражались со страшным драконом, который хотел разрушить их город, чтобы отомстить за пропажу своих яиц. Эмма хорошо придумывала диалоги героев и события, но с местом действия происходила какая-то путаница. Дело в том, что Эмма никогда не была в других крупных городах, таких как Кинго, и ей сложно давалась география происходящих событий. Можно было бы полностью описать собственный город, но ей не хотелось, чтобы читающие рассказ люди узнавали его. С другой стороны, Кинго в её представлении был идеальным городом для такой истории с драконом. Здесь был и высокий холм, на вершине которого находился белый замок, – резиденция правителя Мириона, увенчанная четырьмя дозорными башнями, с которых просматривался весь залив и западный склон холма, укрепленный глубоким рвом; и широкие, рыночные улицы, на которых днём толпилось множество народа, как местного, так и иноземного, в основном илианского; и маленькие, тесные улочки ремесленников и мясников; и огромный порт вокруг залива, который был шире самого города и в котором каких судов только не было, от военных до рыбацких. А на противоположной стороне залива красовался великий Ханго, вулкан, у подножья которого на дне глубокой бухты и жил вымышленный для её рассказа ужасный морской дракон.

Написав одно короткое предложение, она отложила перо и снова подошла к окну. Что-то в этом городе не так, он должен быть другим. Нужно поговорить с библиотекарем, господином Тулмом, может, он что-нибудь посоветует по истории городов...

Её размышления прервал стук в дверь.

– Войдите, – пригласила она и в комнату вошёл господин Луин, её верный слуга и командир отряда по охране её покоев. Он снял шлем и поклонился.

– К вам пришла госпожа Салгми, – сказал Луин.

– Пусть войдёт, – сказала Эмма и господин Луин удалился. Через полминуты в покои вошла Ева Салгми, её учитель пирумского языка, на котором говорил далеко живущий народ, с другой стороны света. Её дед, Рон Салгми вёл весьма прибыльную торговлю с этими пирумами, казавшимися валонцам полудиким народом, несмотря на то, что те были весьма искусны в мореплавании и были, по сути, единственными торговыми кораблями во всех морях Валонии и Илианской империи, которые могли дать отпор пиратам. Отношения валонцев и пирумов резко ухудшились, когда те начали привозить с собой религиозных миссионеров, к которым сначала относились нейтрально, но, когда слухи о популярности этой веры среди валонцев дошли до императора, было принято решение полностью искоренить любое упоминание о пирумском Боге. Отношения с пирумами были полностью разорваны, Рон Салгми разорился и его род начал приходить в упадок. Еву могла ждать тяжёлая участь, но благодаря тому, что она с детства изучала пирумский, Айро решил приблизить её к своему двору и дать своей дочери дополнительное образование в виде этого языка, который, может, со временем ей пригодился бы.

Ева поздоровалась с госпожой и подошла к окну, в которое задумчиво всматривалась Эмма. Это были две красивые девушки одного роста, хотя преподаватель была старше госпожи на три года. У Евы были роскошные черные волосы, уложенные за плечами и карие, печальные глаза, которые часто смотрели будто поверх предметов и людей. Острый, выразительный подбородок придавал её лицу ещё большую трагичность, даже когда она улыбалась или о чём-то мечтала. У Эммы же были золотистые волосы, большие, зелёные улыбающиеся глаза и милое кругловатое лицо, которое уже влюбляло в себя молодых придворных мальчишек. Несмотря на разницу в возрасте, девушки тепло дружили и часто виделись.

– Думаешь о своём рассказе? – спросила Ева.

– Да, никак не могу представить город, в котором это все происходит, а описывать родной Кинго рука не поднимается, – ответила Эмма. Ева посмотрела на ученицу и улыбнулась.

– Творческие муки, значит, – сказала она.

Эмма с любопытством заглянула в глаза Еве и нашла в них какой-то ехидный секрет.

– Зачем ты пришла? – с любопытством спросила Эмма.

– Я, похоже, могу тебе помочь, – ответила Ева. – Хочешь встретиться с человеком, который видел сотни городов и при этом прекрасно говорит на пирумском?

– Быть не может! – воскликнула Эмма и глаза её загорелись. – Рассказывай!

Ева уселась на кровать Эммы, и та последовала за ней.

– Одним словом, сегодня утром на причале я встретила Эрика, одного из солдат твоего отца. Он, как ты знаешь, давно уже за мной бегаёт и сегодня тоже не смог пройти мимо, когда увидел, как я покупаю лавандовый чай. Слово за слово, и я поняла, что он спешит к твоему дяде Сибу с каким-то очень важным поручением. Сначала он долго не хотел говорить, но потом я вытянула из него, что это дело касается какого-то корабля, который прошлой ночью из-за сильного ветра потерпел крушение недалеко от залива. Самое интересное, что это был пирумский корабль, который, как утверждает его капитан, направлялся к берегам Илианской империи и совершенно случайно оказался в наших водах. Чуть позже твой дядя послал за мной. Капитана корабля привели к нему, и я переводила их разговор. Мне пришлось дать клятву, что никому не разглашу этого разговора, кроме как членам вашей семьи. Капитан сейчас находится в замке, но обращаются с ним пока неважно, как с пленным. Он сейчас внизу, в камере под замком!

Эмма слушала рассказ Евы и не могла поверить своим ушам. Капитан пирумского судна, здесь, в замке, а она ничего не знает! Был бы дома отец, он наверняка бы ей всё рассказал. А может быть, даже разрешил с ним пообщаться, как с носителем языка. А что если...

– Ты думаешь о том же, о чём и я? – спросила Ева.

Эмма лукаво улыбнулась и бросилась к гардеробу. Нужно было найти что-то простое и неприметное. Чёрное платье, которое она почти не одевала, идеально подходило для этой миссии. Она зашла за богато расшитую ширму с изображением мифического хранителя острова Мириона, морского змея Ларно, и через минуту появилась в новом платье. Эмма подошла к зеркалу, укутала голову в синий платок и повернулась к Еве. Та одобритительно кивнула. Сама же Ева всегда одевалась строго, платья и юбки синего цвета сочетались у неё с лиловыми накидками и светлыми платками. Она умела правильно подчеркнуть контуры своего стройного тела, так, чтобы это не казалось пошлым или неприличным, и Эмма с лёгкостью училась у неё этому искусству.

– Постой, а что мы скажем Луину? – вдруг вспомнила Эмма.

– Какая разница? – ответила Ева. – В пределах замка ты можешь находиться где хочешь. В конце концов, это не его дело. Я даже, на твоём месте, сказала бы правду.

– Нет, отец бы не разрешил, – тихо сказала Эмма.

– Но ведь его нет, не так ли? А Сибу над тобой не имеет никакой власти, пока он не занял место твоего отца. Он отвечает за твою безопасность, а не за твой досуг.

– Сибу никак не назвал бы нашу авантюру досугом...

– И что? Это его проблема, если он не умеет называть вещи своими именами!

Ева ещё раз поправила платок перед зеркалом и открыла дверь. Луина уже не было, на пороге дежурили двое солдат, которые при появлении девушек тут же выпрямились. Тот, что стоял слева был ещё весьма молодым человеком, поэтому смотрел строго перед собой и молчал. Справа же стоял опытный Ринго, которому было уже за сорок. Он был приставлен в охрану княжны с самого её рождения и испытывал к ней самые тёплые отеческие чувства. Он вопросительно посмотрел на барышень, которые в это время почти никогда не покидали своих покоев, после чего Эмма сказала:

– Мы идём во двор подышать воздухом.

– В такой час?

Ева подарила ему такой холодный взгляд, что Ринго стало не по себе.

– Что вы сказали? – тихо спросила Эмма.

– Простите, госпожа, я забылся. Я так и передам господину Луину.

– Не тревожьте Луина лишними пустяками, доложите ему, если он сам здесь появиться.

Я хочу, чтобы вы оба были здесь, когда мы вернёмся. Мы ненадолго.

Стражи поклонились и девушки продолжили свой путь.

– Полдела сделано, – сказала Ева, – теперь осталась охрана в темнице. Если ты будешь решительной как сейчас, у нас всё получится.

– У меня странное чувство, что я делаю что-то неправильное, – сказала Эмма, слегка поёжившись. – Но, с другой стороны, я хозяйка этого замка, кто может мне помешать? Чувствую себя, как ребёнок.

– Ты и есть пока ещё ребёнок, – ответила Ева и улыбнулась. Эмма не обиделась. Она знала, что на самом деле Ева думает иначе. Они спустились вниз по винтовой лестнице на несколько пролётов и оказались в большом приёмном зале, богато расписанном древними художниками. Здесь проходили официальные приёмы, велись переговоры и иногда устраивались застолья, если трапезной было мало. Эмма редко бывала в этом зале, так как являлась ещё несовершеннолетней, но уже через год ей предстояло вместе с отцом погрузиться в мир чиновников, воинов, знатных господ и общества их семей. Иногда она с ужасом думала о том дне, когда она будет официально представлена императорскому двору и станет уже не формальной, а официальной хозяйкой резиденции в Кинго, пока её не выдадут замуж. А это дело почти никогда не затягивалось больше, чем на полгода. Впрочем, об этом будущем она и думать не хотела. И, оказавшись в этом зале, начала гнать прочь все эти посетившие её мысли.

Из залы девушки вышли на сторожевой двор, излюбленное место встреч и тренировок воинов кшари, пересекли его и начали спускаться по крутой каменной лестнице. Кое-кто из дежуривших во дворе увидел это, но остался на своём месте. Когда девушки дошли до нижнего предела замка, они ненадолго остановились, чтобы прислушаться, происходит ли что-нибудь ниже, и, услышав только звук капающей воды у водопроводного канала, продолжили спускаться ещё ниже. Тут неожиданно из надвинувшейся снизу темноты выделилась сутулая фигура в плаще, чем немало перепугала девушек. Судя по нашивке на плаще, это был тюремщик замка Кинго. Он на мгновение повернулся к барышням спиной, чтобы зажечь висящий на стене факел, после чего подошёл к слегка оцепеневшим подругам.

– Ваше высочество, госпожа Салгми, – учтиво сказала фигура, лица которой из-за яркого света факела было трудно разглядеть. – Ниже этого уровня находится темница.

– Мы знаем, – взяла слово Ева, – мы идём с разрешения господина Сибу. Эмма упражняется в пирумском языке и ей позволили пообщаться с носителем языка, пирумским капитаном.

– В такой поздний час? – недоверчиво спросил тюремщик. – Господин Сибу позволил вам сюда прийти?

– Конечно! – ответила Эмма. – Иначе, откуда бы мы вообще знали про этого капитана? Тем более, судьба его ещё не решена и завтра с ним могут поступить как угодно...

Девушки почувствовали, что тюремщик засомневался. Последнее замечание Эммы его немного насторожило. Все знали, что Айро нет на острове и вернётся он не ранее, чем через пару недель. А это значило, что Сибу, скорее всего, не примет одних решения по пирумскому капитану, которое никак не могло появиться завтра. Девушки скорее всего лгут, тюремщик это понял. Как бы Айро отнёсся к этой ситуации? Размышлять не было времени.

– Ладно! – сказала фигура. – В конечном счёте, я отвечаю за то, чтобы отсюда не выходили, а не наоборот. Идёмте!

Взяв факел со стены, он отправился в темноту, из которой вышел, и девушки последовали за ним. Спустившись ещё на два пролёта, они оказались у двери, в которую тюремщик трижды постучал, потом выдержал короткую паузу и постучал ещё один раз. На секунду открылось дверное окошко, в них блеснули чьи-то молодые глаза, а затем дверь открылась.

– Отведи её высочество Эмму и госпожу Еву к капитану с корабля, – скомандовал тюремщик открывшему дверь надзирателю. – Смотри, чтобы не приближались к решётке, отвечаешь за них головой, – а затем обратился к девушкам. – У вас десять минут!

– Господин Сибу сказал, что у нас есть полчаса, – сказала Ева.

– Господин Сибу ничего вам не мог сказать, так как уже несколько часов находится с патрулём на берегу, в поисках выживших пирумов. Десять минут!

– Благодарим вас, господин... – сказала Эмма.

– Сэдвин, – ответил тюремщик и снова растворился во тьме, оставив факел на стене.

– А меня зовут Рикки, почти как остров! – дружелюбно сказал надзиратель, молоденький солдат лет двадцати. – Прошу сюда!

Девушки, улыбнувшись, переглянулись и отправились за своим проводником. Шагов через пятнадцать они свернули в узкий коридор, в конце которого был виден свет маленькой лампадки. Шагах в пяти от него Рикки попросил девушек остановиться и сказал, что нужный им человек перед ними.

Было очень темно. Свет лампадки освещал лишь небольшую площадь вокруг неё, а глаза девушек всё ещё не привыкли к темноте. Когда наступила полная тишина, они услышали тяжёлое дыхание. Через полминуты девушки начали различать решётку и их робость стала понемногу проходить.

– Кто здесь? – спросил голос на пирумском и Эмма, которая раньше слышала эту речь только из уст Евы, речь, которая казалась ей скорее выдуманной, чем существующей на самом деле, теперь звучала из уст её носителя. И она её слышала и понимала! Это было невероятное для неё чувство!

– Это я, Ева. Я привела к вам мою ученицу Эмму, я учу её пирумскому языку.

– О, так вас двое? – сказал силуэт, подойдя ближе к решётке. – Я думал, вы одна в этом забытом богом месте говорите на нашем языке. Ах, чёрное платье, вот почему я вас не разглядел... Интересно, зачем вы обучаете пирумскому языку, если ваш император разорвал всякие отношения с нашей страной?

Ева решила молчать и говорить только по необходимости, чтобы предоставить Эмме больше свободы для практики и та, чтобы не усугублять повисшую паузу ничего не нашла лучше, чем задать риторический вопрос.

– Быть может для того, чтобы хорошо знать своего врага? – предположила Эмма.

– Врага? Интересная мысль, очень по-валонски. Рад с вами познакомиться, госпожа Эмма!

– Обращайтесь к ней «ваше высочество»! – вставила Ева.

– Прошу прощения! – сказал голос в камере и стало видно, как пятно изобразило что-то вроде поклона. – Я не знал, что имею дело с особой императорской крови! Позвольте представиться, как подобает. Капитан торгового судна его величества короля Пирумгии Алонса Третьего Благородного, а также полномочный представитель его торговых интересов в Илианской империи, Лорвин Смогл.

– Дайте больше света! – приказала Эмма Рикки, после чего тот ушёл и вскоре вернулся с двумя факелами, которые повесил на стенах.

– Невозможно быть представленным, не увидев лица друг друга, – сказала Ева капитану, после чего тот постарался подойти к источнику света, насколько позволяла его камера, и ещё раз поклонился.

Это был довольно молодой человек лет двадцати пяти с густыми чёрными волосами по плечи, острым носом и тяжёлыми скулами. Однако, его светло-серые глаза с зеленоватым оттенком выражали природную доброжелательность и ясность молодого ума. Одет он был скверно, но данные обстоятельства, видимо, другого и не предполагали. Его светлая рубашка с широким воротником была ужасно запачкана и местами разорвана. Поверх неё сидело что-то вроде стёганного камзола без рукавов, однако, он был распахнут и настолько короток, что напоминал жилет. На бёдрах капитана висели шаровары из парусины, которые были заправлены в невысокие сапоги. Эмма поклонилась в ответ на валонский манер и тихо сказала, будто боясь допустить ошибку в речи:

– Эмма, принцесса Мириона, дочь верховного правителя острова, члена императорской семьи и потомка великого Аллоза, князя Айро.

– Счастлив быть представленным вам! – сказал капитан. – Вы довольно неплохо говорите на пирумском, единственно, ваш акцент слишком резок, пирумы говорят намного мягче, если вы соизволили это заметить.

– Я в первый раз общаюсь с носителем языка, – сказала Эмма, – да и у Евы их было не так много. В общем-то, мы затем сюда и пришли.

– Довольно смелый поступок с вашей стороны, – сказал Лорвин.

– Отчего же? – возразила Ева, вспухнув от того, что капитан смеет судить о поступках людей будучи едва с ними знаком. – Я ещё на допросе поняла, что вы не представляете никакой опасности, тем более за решёткой.

– Даже если я начну религиозную проповедь, чего в этой стране, я так понимаю, весьма боятся? – сказал Лорвин, чётко понимая, какая цена может быть у этой небольшой провокации.

– Лично мы ни вас, ни ваших богов не боимся, – ответила Ева. – Я хорошо знакома с вашими представлениями о мире и его устройстве, и более ложной картины мира вряд ли себе можно представить. Ваше учение никогда бы не прижилось в здешних местах!

– Разве? А как же тысячи казнённых самым варварским способом крестьян, которые перешли в нашу веру?

– Вот как? – вмешалась в спор Эмма. – А разве вторгаться в чужую страну со своими религиозными и культурными представлениями о мире не есть варварство?

– В данном случае, не совсем, – неуверенно сказал капитан, явно стараясь быть более мягким с важной особой. Эмма это почувствовала и её это ужасно разозлило.

– Наша религия, – продолжал капитан, – помогает людям чувствовать себя под защитой Бога и в трудные минуты жизни помогает обрести её смысл. Она дарит людям чувство справедливости и равенства перед всеми остальными людьми...

– Ваша религия, – перебила его Ева, – религия рабов, которые по вашей милости живут ужасной жизнью, а вы взамен кормите их мифами, как богато они будут жить после смерти. Наши же Боги даруют нам лишь освобождение или встречу с нашими предками в следующей жизни. Это куда более высокая награда, смысл которой вам не понять. Равенство между людьми – это ложь, а справедливость может даровать лишь император, здесь, на земле, прямой потомок первых Богов!

Лорвин решил не продолжать дискуссию. Девушки были явно предвзято настроены по отношению к представителям его страны, и он это выяснил. Теперь надо было вернуть разговор в более спокойное русло, но с чего начать, он пока не знал. У него ужасно зачесалось в ногах от солёной воды и грязи, которую у него ещё не было возможности как следует смыть, но устранить зуд немедленно он не решался – вдруг это оскорбительно по отношению к ним? Он был плохо знаком с местными обычаями и порядками, в Пирумгии к контактам с валонцами его почти не готовили. Опытные капитаны, ещё помнящие разрыв торговых отношений, говорили, что, если попадёшь к ним в плен, шансов выбраться живым с островов не будет. И надо быть

готовым ко всему. Лорвин помнил это, однако, даже не предполагал, что в первый же вечер он будет представлен местной принцессе. И пока она здесь, нужно было привлечь её внимание.

– Не хочу вас обидеть, – сказал капитан, – ибо в наших краях такой вопрос считается невежливым, особенно, по отношению к дамам, но всё же, позвольте узнать, сколько вам лет?

– Мне семнадцать, – ответила Ева, – ничего невежливого в этом вопросе нет.

– А вам? – спросил капитан у Эммы.

– Не ваше дело! – резко ответила она. Теперь капитан понял, что она злилась на него как никогда за своё вольнодумство и смелость, с которыми он так легко говорил о своих убеждениях, будучи пленником. Перед ней находился закоренелый еретик, с которым она не хотела иметь ничего общего, но, с другой стороны, она ловила себя на мысли, что его горячность и готовность защищать своё заслуживает, как минимум, уважения или даже симпатии.

– Простите, я, вероятно, вас обидел? – сказал Лорвин.

– Если бы это было действительно так, – ответила Эмма, – вы были бы уже мертвы!

– Достойный ответ королевской особы, – сказал Лорвин и поклонился.

– Перестаньте мне выказывать свою лживую вежливость, я прекрасно поняла, что вы презираете нашу страну. Вам не обязательно заискивать передо мной, чтобы получить моё расположение, которое, на самом деле, вам вряд ли чем-то поможет!

– Я и не думал ни о чём подобном, – возразил капитан. – Я лишь хочу, чтобы вы не принимали меня за варвара... А что касается заискиваний, то моя судьба куда более зависит от расположения Евы. Как мои слова будут донесены вашему отцу, полностью в её власти!

– Об этом вам не стоит беспокоиться, – презрительно сказала Ева, – даже если бы вы нанесли мне оскорбление, на моём переводе господину Айро или Сибу это никак бы не отразилось! Такое легкомысленное отношение к своему долгу, возможно, есть в местах, откуда вы прибыли, но никак не на этой земле.

– Тогда мне действительно не о чем беспокоиться! – заключил Лорвин. – Благодарю вас!

Повисла пауза. Разговор складывался скверно, хотя все его участники не скрывали интереса друг к другу. Нужно было поменять тему, но никто из них не представлял, о чём ещё можно было разговаривать. Эмма чувствовала, как убегает время. Не зная с чего начать, она решила начать с самого простого.

– Так позвольте узнать, с какой целью вы направлялись в наши края?

– Мы торговое судно, которое направлялось к берегам Илианской империи, – неспешно ответил Лорвин. – Прибыв к южному городу Сигону, мы узнали, что илианы воюют с тайтанским каганатом и что в столице по этому поводу большой переполох. Оставив груз в Сигоне, мы направились в столицу, чтобы прояснить ситуацию и, в случае опасности, предупредить другие торговые корабли, но мы попали в засаду к пиратам и, уничтожив три пиратских судна, начали отрываться от них, но тут налетел шторм и нас прибило к вашим берегам. После боя с пиратами судно было повреждено, а шторм завершил своё дело, бросив нас на скалы. Пересев на шлюпки, нас разбросало в разные стороны, пятеро остались со мной, но где они сейчас, мне не говорят. Судьба остального экипажа мне неизвестна.

– Печальная история, – сказала Эмма, – но беспокоиться об экипаже не стоит. Если они так же, как вы благополучно добрались до берега, их найдут и будут, как и вас, держать под стражей до приезда моего отца. Сейчас он находится на Рикко и через неделю должен вернуться домой. До этого момента, скорее всего, вы будете в статусе пленника. Мой дядя, с которым вы уже познакомились, при должном поведении со стороны вас и вашей команды не будет принимать резких и необратимых решений. Поэтому, чем тише и незаметнее пройдёт ваше пребывание на нашем острове, тем легче будет ваша дальнейшая участь.

– Спасибо, – сказал Лорвин слегка воодушевившись, – я обязательно воспользуюсь вашим советом! Я так понимаю, с теми пятерыми, с которыми я сюда прибыл, тоже всё в

порядке? Я пробовал криком привлечь внимание других, но безуспешно. Они сейчас в другой тюрьме? С ними всё в порядке? Поймите, я просто беспокоюсь о своих людях.

Эмма вопросительно посмотрела на Еву и Рикки. Солдат, сидя на стуле, точил столовый ножик и, кажется, совсем не проявлял интереса к разговору. Через секунду Эмму осенило, что они говорят на пирумском, и она снова поразилась чуду знания другого языка. Он был мягким, мелодичным и таким родным, что она даже испугалась. Ева, будто почувствовав её мысли, улыбнулась и кивнула ей.

– Уверена, что с вашими товарищами всё в порядке, – сказала Эмма. – Не могу сказать точно, где они находятся, но могу уверить вас, что подземелья замка Кинго такие же глубокие и огромные, как сам замок. Не удивительно, что вы не слышите друг друга.

В этот момент раздался гулкий стук в дверь. Рикки отправился открывать и у выхода послышался голос Сэвина:

– Боюсь, что вам пора, ваше высочество! Господин Сибу возвращается с добычей, у вашего друга скоро будут соседи.

– Но ведь время ещё не вышло! – жалобно сказала Эмма.

– Нужно спешить, – коротко ответил Сэвин тоном не подразумевающим возражений.

– Что ж, до свидания, капитан Лорвин, – сказала Эмма, – мы с вами ещё увидимся. Расскажите мне вашу историю, как вам в голову пришла эта нелепая идея стать моряком.

– Как и многим другим в нашей профессии, ваше высочество, совершенно случайно, – ответил Лорвин. – Спасибо, что пришли и выслушали! Простите, если вас чем-то задел, нам не стоило так начинать разговор! Буду ждать новой встречи!

– До свидания! – сказала Эмма и подарила ему улыбку. Ева также простилась с капитаном и девушки спешным шагом покинули темницу.

5

В тронном зале, который среди придворных именовался просто красным, собралось столько народа, что Лаготу стало казаться, что к следующему празднику необходимо будет перестроить весь дворец для того, чтобы вместить сюда всех приглашенных. Мало того, что столица в эти дни переполнялась настолько, что многим гостям приходилось за его пределами возводить временные жилища, так ещё и Закрытый город, где к концу дня награждали победителей игр и устраивали пир, больше походил на суетливый муравейник, чем роскошную резиденцию великого правителя. Здесь встречались люди с самых дальних провинций империи, которые при других обстоятельствах вряд ли когда-нибудь пересеклись бы с друг другом. Они рассказывали друг другу разные истории, делились опытом, приглашали друг друга в гости и обменивались длинными комплиментами. Арвин уже лет пять не посещал игры, поэтому награждение победителей с городской площади переместилось в тронный зал. Жители столицы сначала были недовольны тем, что героев соревнований чествуют без их присутствия, но благодаря отсутствию Арвина на соревнованиях, уменьшилось и количество знати, посещающей мероприятие, что дало возможность большему количеству простых людей наблюдать за играми. Теперь победителей сначала награждали виноградными венками в городе, а затем они перемещались во дворец, где их ждал главный приз из рук самого императора. К трём часам игры заканчивались и знать начинала собираться во дворце, где легко закусывала и ждала появления Арвина, который начинал процедуру награждения и сам пир. Пока все собирались, Лагот прогуливался из одного края красной залы в другой с обеспокоенным лицом, поглядывая на людей в прекрасном расположении духа, многие из которых ещё не подозревали, что может быть скоро им придётся отдать за императора свою жизнь. Лучше бы объявить им о намерении Арвина вести войну с Тайтанским каганатом прямо сейчас. Это наверняка сплотило бы всех этих людей, но Арвин слишком занят праздником и с важными новостями придётся повременить как минимум до завтра. Но слухи, так или иначе, уже поползли. Лагот разгля-

дел у восточной стены господина Ридварда, держателя востока, вместе со своим незаконно-рождённым сыном Рэйденем и задался вопросом, почему этот господин явился на праздник. Правители крупных городов, такие как Рэйден, должны были оставаться на своих местах, если только не получают от императора отдельного приглашения. Разве Арвин его пригласил? Других детей Ридварда пока видно не было. Лагот подошёл к ним и поприветствовал гостей.

– Господин Лагот, – ответил Рэйден и почтительно поклонился. Рэйден был старшим сыном Ридварда, от какой-то провинциальной барышни, которую держатель востока в молодости очень любил. Она умерла при родах, а так как родители не состояли в браке, ребёнка тут же отнесли к нянькам и воспитывали вдали от своего отца. В возрасте четырнадцати лет Рэйден был отправлен обратно к Ридварду для дальнейшего воспитания, о котором тот к тому времени почти позабыл. Несмотря на уже большой возраст, ребёнка начали обучать военному делу, с чем тот справлялся не очень важно. Однако, Рэйден проявил неплохие способности в общении с вышестоящими чинами, что позволило ему довольно быстро дослужиться до капитанского чина и получить в командование сотню гвардейцев. Ходили слухи, что Рэйден участвовал в поимке одного опасного пирата, когда тот был на суше, но Лагот чётко знал, что это были только слухи, распространяемые его приближёнными. Рэйден также получил в управление город Микото, что лежал на пути из Согао в столицу империи на великой восточной дороге и несколько крупных земельных наделов, которые он начал распределять между своими приближёнными кшари. Управление его было несколько грубым, но эффективным. В Микото сложно было найти недовольных или праздно слоняющихся без дела людей, почти всё население провинции постоянно работало.

– Господин Рэйден, – сказал Лагот, – я не знал, что император почтил вас приглашением.

– Я здесь исключительно по государственному делу, в целях обеспечения безопасности держателя востока, – медленно проговорил Рэйден, словно эти слова он уже давно отрепетировал. Его серые глаза слегка прищурились, а щетинистые скулы нервно подрагивали. «Видимо, дальше будет только импровизация», – подумал Лагот. Рэйдену было под сорок. Длинные, чёрные волосы окутывали его слегка прямоугольное лицо, которое казалось серьёзным и даже немного меланхоличным. Но меланхолия точно не была в характере этого сомнительного военного деятеля и удачливого землевладельца.

– Весьма легкомысленно полагать, что в мирное время, тем более в императорском дворце, кому-то может угрожать даже самая малая опасность, – сказал Лагот. – Или, быть может, вы знаете то, чего ещё не знаем мы?

– Что вы? Как можно знать больше императорского дурака? – самодовольно заявил Рэйден.

– Хорошо, что так, – сказал Лагот, нисколько не обидевшись. – Так как если настанет такой день, когда шут будет знать меньше кого-то, этот день может стать для него последним.

Лицо Рэйдена побагровело, но он ничего не ответил.

– Господин Ридвард, – продолжал Лагот, – вы уже посвятили вашего телохранителя в перспективу грядущих в стране событий?

– Да, господин Лагот! Восток поддержит любое решение императора и отправит на защиту Валонии всех бойцов, как только это потребуется. Более того, мои сыновья сами смогут возглавить лучшие отряды. Рэйден, чьи провинции ближе всего к императорскому дому, будет в числе первых, кто будет готов отдать за Валонию жизнь!

Лагот взглянул на Рэйдена и вдруг заметил, как при последних словах отца он невольно улыбнулся, после чего быстро опомнился и принял невозмутимый вид. «Что-то не так с этим господином», – тревожно подумал Лагот.

– Действительно, большая честь! Не так ли, господин Рэйден? – слегка улыбнувшись спросил Лагот. Тот лишь почтительно поклонился и улыбнулся в ответ.

«Наглец!», – подумал Лагот, – «Видимо, далеко собрался... и владений в Микуто ему явно не достаёт. Хотите военную карьеру, построенную и далее на слухах и сплетнях? Боюсь, что это не та война! Впрочем, она всё расставит на свои места».

– А где же ваш брат? – поинтересовался Лагот у держателя востока.

– Даёт распоряжение по кораблям Айро в порту, я так понимаю. Но это лишнее, я считаю, Айро...

Тут широкие массивные деревянные двери отворились, заглушив последние слова Ридварда, и в их проёме появились глашатаи в длинных красных одеждах.

– Его высочество князь Айро, правитель острова Мирион, член императорской семьи!

В залу вошёл мужчина среднего роста в парадном, вышитом на мирионский манер плаще, покрывающим тёмный дублет, коричневых чулках и высоких сапогах, тянувшихся до самых бёдер. Из-под кольчуги проступал пухлый живот, а аккуратно подстриженная седая борода будто говорила всем окружающим о высоком чувстве собственного достоинства её хозяина. Однако, сейчас Айро со своими пустыми глазами выглядел несколько растерянно. Рядом с ним шли несколько сопровождающих. Айро остановился посреди залы и стал оглядываться вокруг. Когда они встретились глазами с Лаготом, князь Мириона направился напрямик к нему. «Конечно же, он искал меня», – подумал Лагот. Пока Айро шёл к восточной стене через зал к шуту, с ним здоровались все, желая засвидетельствовать своё почтение и на несколько секунд задержать столь важного гостя императора, однако, он ни на кого не обращал внимания, пока не достиг своей цели.

– Господин Лагот, – сказал Айро и приветливо поклонился.

– Князь, – ответил поклоном шут, – чем обязан такой честью?

– Мне срочно нужно видеть императора, дело государственной важности!

– Арвин сейчас всецело занят этим помпезным праздником, не может ли ваше дело подождать хотя бы до вечера?

– У меня срочные новости, которые касаются всей нашей страны. Прошу вас, пусть уделит мне десять минут своего времени!

Айро казался каким-то взволнованным и несколько дёрганым, как будто он не спал уже пару ночей. Лагот знал, что самое сложное сейчас для Арвина будет принять своего родственника, которому он чуть не объявил войну. Но, учитывая ситуацию с кочевниками, весьма неплохо было бы иметь на западе союзника, а не ещё одного врага. И император это понимал. Кочевники сейчас слишком самоуверенны и не будут заниматься политическими интригами с врагами или возможными союзниками Валонии. А это как раз то, что сейчас на руку двору.

– Подождите меня здесь, – сказал Лагот, – я всё устрою и вернусь за вами.

Айро дал несколько поручений своим сопровождающим и, оставшись наедине с Грейгами, он будто опомнился и поприветствовал их, извиняясь за свою суету, которая была вызвана исключительно государственными делами.

– Господин Рэйден, верно? – спросил Айро молодого человека. – Весьма наслышан о ваших успехах!

– О, что вы! Они не так высоки, как ваши успехи по укреплению независимости целого острова, окружённого врагами! – весело ответил тот. Айро этот пассаж не оценил:

– Сарказм здесь излишен, молодой человек!

– Я говорил искренне!

Взвинченному князю было совсем немного, чтобы потерять контроль и Рэйден уловил это. Однако, Айро понял, что бастард никакой другой цели, кроме как развлечься не преследует и поэтому не стал отказывать своему собеседнику в этом удовольствии.

– Тогда вам нужно быть осмотрительнее. Такие остроты допустимы со стороны императорского шута, но никак не делает чести молодому человеку, практикующему в своих провинциях репрессии для увеличения доходов, а не ревизии книг по налоговому учёту.

– Жизни крестьян, как и наши, всецело принадлежат императору, – парировал Рэйден, – и они должны это понимать для того, чтобы усерднее трудиться. Все эти идеи свободного труда, идущие от ваших друзей илианов, делают государство только слабее. Всего несколько недель, и из-за диких кочевников государства может не стать!

– Я и так был о вас не самого высокого мнения, но вы сумели опустить эту планку ещё ниже, – ответил Айро, – вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что истинной причиной поражения Илианской империи является свободный труд. Поймите, с запада идут те, кого не оставит ни одна армия, ни наёмная, ни регулярная. Мы обречены!

– Император этого не допустит! – жарко бросил Рэйден, но Айро прочитал эту театральность и где-то внутри себя улыбнулся. «Неплохо, молодой человек?» – подумал он про себя, – «Что вы здесь вообще делаете?»

– Бросьте паясничать. – ответил Айро. – Я, кажется, говорил вам, что ниша императорского шута уже занята. Сейчас надо спасать империю, а не заниматься демагогией!

– Положение действительно настолько серьёзное? – спросил Ридвард, который внимательно слушал их разговор.

– Положение ужасное! – сказал Айро.

В этот момент в зале снова появился Лагот и издали приглашительным жестом позвал Айро. Тот незамедлительно отправился к шуту, и они вместе исчезли в толпе гостей.

– Тебе надо быть осторожнее с этим человеком, – сказал Ридвард Рэйдену.

– Он слишком слаб! Надеюсь, император это увидит, – ответил Рэйден и вместе с отцом они отправились искать остальных сыновей Ридварда.

Когда Айро вошёл в покои императора, тот принимал ванну с морской солью. Позолоченные занавески наглухо закрывали солнечный свет и в комнате распространялись лишь лучи свечей, которые отражались от блестящей поверхности медной ванны и тонули в красном бархате изящной мебели, привезённой когда-то с Пирумгии. На полу, на толстых, узорчатых илианских коврах была разбросана одежда императора. Айро заметил в дальнем тёмном углу какое-то движение, оказалось, это одна из наложниц императора спешно одевалась и укладывала волосы. Через мгновение она исчезла в небольшой двери в углу и он подошёл ближе. Арвин сидел к нему спиной и кажется, не собирался покидать ванны. Император расслабленно раскинул руки и запрокинул голову, закрыв глаза. Айро в некотором смятении стоял неподвижно несколько мгновений и сделал ещё несколько шагов к императору. Тут слева от него быстро появилась огромная тень, готовая, по-видимому, преградить ему путь и князь остановился.

– Не так резво, мой друг, – заговорил Арвин, – иначе ты рискуешь познакомиться с глухонемым Лориеном. Он лишён некоторых физических радостей, поэтому я разрешаю ему наблюдать. Итак, мой любезный родственничек, что за срочное дело у тебя ко мне?

Айро сделал шаг назад и тень сделала то же самое. Арвин находился всего в пяти шагах от него, но сидел спиной, да ещё и обнажённый, выказывая тем самым полное неуважение к собеседнику и гостю. Князь невольно улыбнулся, смеясь про себя над попыткой императора задеть его самолюбие, которое, конечно, от такого вызывающего поведения никак не пострадало. У него было своё представление о чести и её назначении для достижения целей, но, тем не менее, он решил подыграть Арвину, изобразив незаслуженную обиду и намерение покинуть покои.

– Я, ваше величество, только хотел засвидетельствовать своё почтение к вам лично, не более. Прошу простить, что помешал вашему отдыху!

– Не строй из себя обиженную овцу, Айро! – сказал император. – Поступать так родственникам помазанника богов, пусть даже и дальним, совсем не к лицу. Ты пришёл с конкретной целью. Говори, что у тебя?

Айро улыбнулся и сразу перешёл к делу.

– Илиан взят кочевниками тайтанами, мой государь! Мы следующие, куда они направят свой взор. Мирион нуждается в вашей поддержке, ибо мы первые, кто примет этот удар. От исхода сражения на нашем острове может зависеть исход всей войны!

Арвин поднялся из ванны, накинул шёлковый халат и, взяв из хрустальной вазы яблоко, подошёл к Айро.

– А разве Валония не нуждалась в Мирионе все эти годы? – тихо спросил Арвин.

– Что вы имеете в виду, господин? – спросил Айро, изобразив в глазах недоумение.

Арвин надкусил яблоко и подошёл к столику с вином, что находился справа от Айро.

– Выпьешь?

– Нет, благодарю.

– Что я имею в виду? – задумчиво произнёс император. – Ты серьёзно?

Арвин положил надкусанное яблоко на стол, налил себе вина и немного пригубил.

– Ни одного золотого налогов за четыре года и жаркие заверения, что ты обновишь и восстановишь военный флот! – продолжил Арвин. – Думаешь, стране не нужны были эти деньги или корабли? Ты создавал наёмную армию, подчиняющуюся только тебе, заигрывал с илианами, да так, что завладел монополией на торговлю между нашими странами! Твои доходы сделали тебя самым богатым человеком в империи после меня, а теперь, когда твоя торговля обещает долго жить, да ещё появляется угроза внешнего вторжения, ты приходишь после этого ко мне?

Айро знал заранее как примерно сложится этот разговор и поэтому ответил подготовленной речью.

– Ваше величество, я лишь взываю к голосу вашего разума. Разбить тайтанов вместе у нас куда больше шансов, чем ждать, пока они захватят Мирион. Да, у меня теперь есть своя гвардия, но она не выстоит в одиночку против их войска. Более того, я уверен, что после победы на побережье, они не пойдут на юг, на Кинго, а будут переправляться сразу на Рикко, чтобы скорее захватить столицу империи!

– Скажи, Айро, а зачем ты создавал свою армию? Неужели против кочевников, о которых ещё месяц назад даже никто не знал?

Арвин пригубил ещё вина и сел в бархатное кресло. Айро решил, что в данном случае лучше будет промолчать. Слишком уж негативно был настроен император для этой беседы.

– Армию эту ты собирал против меня, Айро! – подвёл черту император.

– Ваше величество, мои пять тысяч воинов против ваших тридцати – это даже не серьёзно!

– Да, но двадцать тысяч из них находятся на севере, а десять размазаны от Согао до пролива Дарли. При должном рвении, вполне можно взять столицу империи, однако, вряд ли удастся удержать!

– Вот именно, я не настолько глуп, ваше величество!

– Вот именно... – повторил Арвин и сделал ещё глоток.

– Как ты думаешь, а чем занимались мы здесь, пока ты собирал армию и вёл переговоры с илианами? – продолжал Арвин. Айро молчал.

– Мы возводили укрепления у пролива на песчаных побережьях, что сделало бы высадку любой армии на Рикко практически невозможной, – самодовольно произнёс Арвин. Судя по лицу Айро, он понял, что тот ничего об этом не знал.

– И как ты думаешь, Айро, где нам лучше встречать врага? На твоём милом острове силами пятнадцати тысяч совместно или на хорошо укрепленном западе Рикко, куда к тому времени, пока ваш остров будет героически обороняться, успеют подтянуться все наши ресурсы в тридцать тысяч?

– Мы тоже можем укрепить и наш берег, ещё есть время! Если создавать им преграды на самых ранних этапах, то, когда война дойдёт до Рикко, мы будем иметь полное представление

о сильных и слабых сторонах противника. Более того, боевой дух нашей армии будет высок после первых побед на Мирионе, а дух вражеских солдат, наоборот, будет падать, если война для них затянется. Кочевники привыкли к степям, но не к горным поверхностям!

– На ранних этапах их должен был встречать флот! – ответил Арвин. – А момент неожиданности важнее боевого духа, как говорили предки. И перспектива делить армию на два острова не представляется мне приемлемой. Единственная возможность дать им отпор – это одно решающее сражение, в котором мы должны одержать победу. Только после неё тайтаны подумают ещё раз, пойдут на переговоры или перемирие, одним словом, дадут нам время, которое будет играть на нас. Они будут должны будут хорошенько подумать посылать ли ещё одно войско на какие-то непонятные острова, где нет и намёка на их родную степь! И даже если они решат это сделать, я соберу под свои знамёна каждого жителя этой страны и буду готов к решающей схватке! И если тайтаны окажутся слабы, мы пойдём и возьмём Илиан!

Айро не верил своим ушам. Император так горячо говорил, что у него не было сомнений, что он действительно во всё это верит. Победить сорок тысяч всадников, именно столько по подсчётам Айро каганат мог отправить на илианском флоте без строительства дополнительных кораблей, задача вполне выполнимая при правильной тактике и грамотном командовании на поле боя. Плюс, элемент неожиданности, который так ценил Арвин, действительно играл немаловажную роль. Однако, идея пересечь море и сразиться с остальной ста пятидесяти тысячной армией каганата на материке казалась Айро по крайней мере безумной, даже если войско Валонии разрастётся до семидесяти тысяч за счёт добровольцев и крестьян. И что больше всего сбивало с толку, так это то, что Айро не понимал, зачем император рассказывает ему всё это. Арвин говорил так, будто война уже началась и более того, исход её уже решён. Говорил так, будто он уже знал о гибели соседней империи и уже примерял на себя и её корону. Дальше разговаривать было бессмысленно. Можно было попытаться сыграть на чувствах императора, но Айро пока не знал, как это сделать. И он начал говорить первое, что ему приходило в голову.

– Ваше величество, и тем не менее, если вы сразу отвернётесь от Мириона, вы создадите для кочевников мощный плацдарм, с которого война между островами сможет затянуться на долгие годы, а тем временем...

– Да, да. Тем временем дикие потные кочевники будут трахать ваших женщин, а вы будете вылизывать им сапоги перед каждым походом на восток. Разве не такой плацдарм подразумевался для дружественных войск Илианской империи, которую ты долгие годы подговаривал пойти на меня войной взамен на звание вассала перед этими заносчивыми ублюдками?

Внутри Айро всё закипело. Он почти забыл о тени по левую руку от него и готов был выхватить меч, чтобы покончить с этим раз и навсегда. Однако, он быстро взял себя в руки, холодно оценил всю нелепость этой ситуации и лишь крепко сжал рукоять своего меча. Арвин заметил это.

– Я так и думал, – сказал император, – что самое страстное желание всей твоей жизни – это моя смерть. Что же, вперёд!

Айро несколько секунд смотрел на императора, но затем медленно вытащил не длинный, а короткий меч. Тень резко метнулась к Айро, но Арвин одним жестом руки приказал не вмешиваться. Тень застыла. Айро сел на колени, поклонился императору в ноги и выпрямившись произнёс:

– Если господин сомневается в моей верности, я готов.

Айро обнажил меч, обернул лезвие краем своего плаща, и обхватив это место правой рукой, направил лезвие к горлу. Арвин расхохотался.

– О, Боги, ну и цирк! – весело вскричал император. – Ты же знаешь, что сегодня я не могу позволить богине смерти забирать кого бы то ни было! Ты смешон!

Айро сидел несколько секунд в полном недоумении, а потом его вдруг осенило. «Да, сегодня действительно этот чёртов праздник!» – подумал он, – «Я совсем забыл! Скверная попытка...» Он поднялся с колен, убрал меч и железным взглядом смотрел на императора.

– Это был бы лучший выход, – твёрдо сказал Айро. – Взвесив все за и против, я понял, что при отсутствии поддержки императора в войне лучше всего было бы уйти как кшари. При таком уходе из жизни честь нашей семьи сохранилась бы и, более того, обязало бы вас заботиться о моей единственной дочери. Эмма стала бы жить при дворе, а мой брат принял бы управление Мирионом, присягнув вам на верность и, скорее всего, тоже умер бы сражаясь с иноземным врагом. Всё это было бы куда лучше, чем тяжёлое поражение, смерть нашего дома или позорное бегство в последний момент! Я редко принимаю эмоциональные решения, вы знаете, но в этот раз я бы поступил именно так! Прошу прощения!

Айро поклонился и на секунду поймав взгляд императора нашёл в нём крепкую задумчивость. «Неужели сработало?» – подумал он, но, отступая к дверям и совершив прощальный поклон, услышал едва уловимый смех. Он вышел из покоев и с облегчением выдохнул. Арвин расхохотался в полную силу и через маленькую дверь, в которой несколько минут назад исчезла наложница, появился Лагот, который удивлёнными глазами смотрел на Арвина.

– Не, ты это видел? – спросил император.

– По крайней мере мы теперь знаем, что у него есть ещё честь, – ответил шут.

– Ты серьёзно? – сказал император. – Я знаю его с детства! Весь этот цирк исключительно для того, чтобы я почувствовал себя идиотом, да ещё и помог ему, уверяю тебя!

– Нет, мне так не показалось, – ответил Лагот. – Зачем ты рассказал ему про этот безумный план?

– Я просто хотел посмотреть, что он на это придумает. Думаешь, он действительно забыл про праздник? Как бы не так! Даже если он и забыл про него, он знал, что я не дам ему этого сделать, по крайней мере в своих покоях. Это такая своеобразная игра, кто на что готов, и кто кого первый остановит!

– Да, но сегодня утром вы мечтали о том, чтобы наказать своего слишком влиятельного родственника! – сказал Лагот.

– Верно, именно это я сделал...

6

– Так ты осознаешь, что своим поступком помешал совершить императорское правосудие над этим человеком? – спросил Акира своего сына Алана, но этот вопрос скорее звучал, как вопрос судьи к обвиняемому.

В саду, где происходил суд военачальника собралось достаточно много людей. Здесь были воины кшари из отрядов Акиры, священнослужители, крупные чиновники города и даже несколько купцов, которые, пользуясь праздником, желали переговорить с правителем города. В замке были закрыты все ворота, следуя старинной традиции судебного производства, несмотря на то, что дело было, на первый взгляд, пустяковым. В центре большой навесной террасы сидел сам Акира в окружении Дорина и других офицеров. Это был ещё молодой человек тридцати пяти лет с приятной худощавой внешностью, остро постриженной бородкой и длинными жидкими волосами, которые аккуратно укладывались на затылке. Дорин же был среднего роста, с крепким телосложением и огромными руками, будто он всю жизнь только и занимался тем, что пахал землю и заготавливал лес. За перегородкой, где заканчивался помост и крыша над ним, начинался сад. Слева от Акиры на коленях стояли широкоплечий и жилистый со сломанным носом, те самые рыбаки, что сегодня утром повстречались Алану и Таврику, в двух шагах от них за их спинами находился Суно. Прямо напротив Акиры стоял его сын и Тарвик. За ними чуть на отдалении шли воины кшари и прочие наблюдатели, которые расположились вдоль пруда замкового сада. Время близилось к обеду, вскоре должны были начаться

торжества и это наспех организованное собрание никому не было нужно. Но обстоятельства требовали иного. Акира хотел решить дело намного быстрее, но чем больше он понимал, что произошло, тем больше его охватывала тревога.

– Я не хотел мешать правосудию, – ответил Алан, – а скорее наоборот, помочь ему. Они не успели совершить преступление, мы предотвратили его и потому мне показалось, что смерть – несправедливая плата за их действия. Мы вели себя как нас учили, не более, и эти рыбаки никак не могли знать по нашей одежде, что мы представители знатных родов.

– Но разве тебе не известно, что нападение на члена семьи Грейгов есть тяжкое преступление и такие воины, как Суно, обязаны приводить приговор в исполнение немедленно? Помешать ему выполнить свой долг – преступление не только против императора, но также и против чести самого Суно!

– Мальчик ещё не является воином кшари, мой господин, – сказал Суно, – поэтому, при всём уважении к вам и вашему сыну, который только учится, моя честь никак не пострадала!

«Спасибо, Суно!» – подумал Акира, но ответил совсем иное:

– Наш долг и есть наша честь, Суно! И любой, кто встаёт на этом пути у честного воина, должен подвергнуться наказанию!

На несколько мгновений повисла тяжёлая пауза. Последняя фраза Акиры вырвалась как-то уж слишком строго и окружающие заседание суда люди напряжённо сосредоточились, ожидая развязки. Слишком много глаз! Сейчас Акира много бы отдал за то, чтобы вокруг него были только его близкие воины и пара священнослужителей, как это было при рассмотрении дел в обычные дни. Ему не хотелось слишком сурово наказывать своего сына, но наказывать его пришлось бы в любом случае. В обычные дни Алан отделался бы отцовским порицанием и запретом покидать стены замка до церемонии посвящения в воины кшари, которая должна была состояться в день его пятнадцатилетия, через полгода. Юноши повели себя смело, несмотря на то, что были в меньшинстве и без оружия. Конечно, они не имели прав вмешиваться без присутствия официальных властей, но обстоятельства, со слов Суно, были чрезвычайные. Суно хороший воин, ему можно верить. А вот то, что Дорин будет скрывать от него, чем занимаются их сыновья в свободное время, он никак не ожидал. Надо было бы для верности наказать и Тарвика, но тот не сделал ничего серьёзного. Акира подзадоривал себя мыслью, что, если бы не Тарвик, этого вообще бы ничего не произошло, хотя прекрасно понимал, что его сын, когда бы всё началось по-настоящему, не стал бы отсиживаться в овраге даже будучи один. Ему хотелось подвергнуть наказанию Тарвика ещё и за своего отца Дорина, который вообще допустил саму возможность покидать их детям замок, чтобы Дорин тоже извлёк для себя некий урок. Но Тарвику предъявить было нечего, ведь он не стал вмешиваться в действия Суно. А ещё Акира жутко злился на самого себя из-за всей ситуации с судом, людьми, которые жадно искали его решительного слова, а также за то, что он вообще обращает внимание на чьё-то мнение и ведёт себя слабохарактерно, не так, как следует вести себя представителю рода Грейгов.

Мысль о том, что он слишком слаб, Акире внушил отец ещё в детстве, когда тот из-за своего мягкого и миролюбивого характера всегда избегал драк с дворовыми мальчишками и вообще, любых прямых конфликтов или столкновений. Ридвард считал это трусостью, но понимая, что его долг – воспитывать сына в русле великого рода, всё время пытался создать для сына какую-нибудь экстремальную ситуацию, чтобы тот скорее возмужал. Акира, будучи неглупым ребёнком, прекрасно это понимал и действовал так, чтобы угодить отцу, хотя это и не всегда получалось. Например, чтобы убить оленя на охоте Акира слишком медлил и не решался выстрелить в благородное животное ради одной забавы, удовольствие от которой он совсем не получал. Другое дело было выйти на дикого вепря, где между жизнью и смертью Акира всегда выбирал первое и вёл себя очень мужественно, но отцу этого было недостаточно. Он считал, что тот, кто выбирает путь ситуаций и меньшего сопротивления, а не внутреннего

чувства долга, подходит на роль изнеженного императорского министра, но никак не на роль держателя востока, чей титул он должен был наследовать после его смерти. Иногда Ридвард жалел, что Ирвин, являющийся следующим по старшинству после Акиры, не может наследовать его титул, так как такой вариант событий был возможен лишь в случае смерти старшего сына. Ирвин был настоящим воином, живущим по строгому кодексу кшари, смелым и умным военачальником. Он вместе со своим братом Робертом, четвёртым сыном Ридварда, если считать незаконнорождённого Рэйдена, находился на северо-востоке страны в городе Лива и участвовал в войне и последующих переговорах с алайнами. Фактически, он управлял всей двадцатитысячной армией императора, что сосредоточилась на северо-востоке и лишь формально подчинялась Ридварду. Ирвин отлично справлялся с задачами, даже когда активные боевые действия прекратились и в силу вступил так называемый императорский указ «Об освоении».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.